

Елена Михайловна Гайворонская

Наследство

OCR Roland
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183419
Наследство: Центрполиграф; Москва; 2007
ISBN 978-5-9524-3222-2

Аннотация

Много лет назад ради красавицы Надежды Алекс в рекордно короткие сроки проделал путь от скромного официанта до владельца процветающего отеля. Он хотел бросить весь мир к ногам возлюбленной, но Надежде не был нужен его мир. И тогда Алекс сломал жизнь той, кого любил больше всего на свете.

Прошли годы, и дочь Надежды стала совладелицей рокового отеля. Помня о давней трагедии, девушка решила, что никогда не уступит мужчине. Но закованное в броню сердце так хочет любить...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	4
	42

Елена Гайворонская

Наследство

«Здесь будет город».

.....

«Здесь будет дом наш, открытый всем».

«Но надо поставить ближе к дому

Могильные склепы...»

Н. Гумилев. Основатели

Она не любила Турцию. Вначале остро, болезненно, до иступления, всеми фибрами души, как заклятого врага. Как воплощение вселенского зла. С годами эта ненависть не притупилась, но сгладилась, заняв прочное место в сознании, став неотъемлемой частью ее мироощущения.

Конечно, так было не всегда. Когда-то Турция была для нее всего лишь одним из пятен на разноцветной карте мира. Тогда она еще не умела ненавидеть. Она думала, что миром правят добро и любовь. Она была очень юной и наивной. И счастливой.

Как же давно это было...

* * *

– Дамы и господа, наш самолет совершил посадку в аэропорту города Анталии...

«Неужели? Было бы забавно совершить посадку в другом городе», – подумала она, отстегивая ремень безопасности. Турция раздражала уже с первых секунд – от вынужденно любезной стюардессы до смазливой попутчика по первому классу, пытавшегося строить глазки.

– Температура воздуха – тридцать градусов тепла. Моря – двадцать шесть. Счастливого вам отдыха...

«Еще бы... Только круглый идиот может лететь сюда по делам в это время года... Или идиотка...»

Она поднялась, перекинула через плечо сумку и, обдав жизнерадостного попутчика отвращающим взглядом, направилась к выходу.

Она сняла маленький кожаный чемодан с извилистой черной ленты-змеи, выползавшей из багажного отделения, отстояла радостно-суетливую очередь за нашлепкой визы и вышла из здания. В лицо тотчас дохнул огнедышащим драконом июньский полуденный зной. Сердце ее болезненно сжалось. На мгновение показалось, что она задыхается. С трудом подавив в себе отчаянное желание вернуться в спасительную кондиционированную прохладу аэропорта и прыгнуть в первый самолет до дождливой сумрачной Москвы, она надела темные очки последней модели и решительно двинулась вперед, с каждым шагом обретая свою обычную спокойную деловитость и упрямую несгибаемую волю. Несколько шустрых смуглых таксистов мигом подскочили к ней, тараторя на жуткой тарабарщине из всех известных им языков – видимо, не смогли сразу определить, кто потенциальная клиентка: немка, англичанка или россиянка. Ее это не удивило: она не отличалась «типично славянской» внешностью и достаточно поколесила по свету, чтобы, ассимилировавшись в

инородной среде, заделаться «гражданкой мира». Не торгуясь, села в первую же машину, произнесла коротко:

– Отель «Надежда».

– О! – воскликнул таксист так, словно услышал самую приятную из новостей. – Мадам из России!

Она не ответила. Болтовня таксиста раздражала так же, как жара. Но ей не хотелось быть невежливой: этот не в меру разговорчивый малый не виноват, что родился в Турции.

– Вы бывали у нас прежде? – не унимался таксист.

– Нет. – Она не лгала.

– О! Вам у нас понравится. «Надежда» – один из самых шикарных отелей...

Она старалась не слушать таксиста. Плохая русская речь царапала мозг, усваиваясь даже хуже, нежели иностранная.

Машина набирала скорость. Душная, лысая Анталия уже осталась позади, и дорога потекла вдоль побережья. Она приоткрыла стекло, и в салон с шипением стаи диких кошек ворвался прибой. По другую сторону узкого дорожного серпантина громоздились красноватые глыбы Таурусских гор. Она прикрыла глаза. Таксист, не найдя поддержки, разочарованно вздохнул, умолк и покрутил магнитола. Мерный морской шум заглушил популярный среди туристов зажигательный Таркан.

* * *

– Два «Эфеса».

– Пожалуйста. – Губы привычно сложились в рабочую улыбку, рука безошибочно нащупала пузатые бутылочки. – Пожалуйста...

В который раз бармен удивился самому себе, что сумел-таки одолеть этот варварски-непереносимый язык. Третий по счету после немецкого и английского. Не потому, что ему это нравилось. Хочешь жить – умей вертеться...

– «Маргариту» и полета «Хеннесси».

– Пожалуйста...

Пара отошла и присела за столик под сенью раскидистой магнолии. Бармен бросил на них беглый взгляд. Мужчина под сорок, с небольшим брюшком и уже наметившейся залысинкой на старательно зачесанном затылке, но все же достаточно интересный, оживленно рассказывал что-то, пожирая свою спутницу довольно откровенным взглядом. Женщина, тех же лет, в мелких кудряшках, непрерывно хихикала, демонстрируя не слишком ровные мелкие зубки. Ее голубенькие глазки блестели, как пара светлячков. Курортный роман... Али усмехнулся про себя. Сколько прошло перед ним за двадцать годков – лавстори-однодневок. Вспыхивающих под знойным солнцем подобно щепкам в камине, чтобы через две недели превратиться в горстку остывающей золы...

Али в сотый раз протер безупречно отполированную стойку. Поправил темно-синий галстук-удавку – часть гостиничной униформы. Из своих сорока половину лет он проработал барменом. За спиной, среди бутылочной витрины, болтались несколько наградных листков, в том числе – первое место на конкурсе «Лучший бармен побережья» в девяносто девятом. Не потому, что эти бумажки тешили его самолюбие: на подобной идиотской выставке настоял управляющий, лишний раз таким образом демонстрирующий высший класс четырехзвездочной гостиницы. «Четверки» по-европейски. Оценивали швейцарцы, весьма скептически настроенные к турецкой «звездности». «Надежда» стала исключением. Турецкий отель с русским названием, отвечающий взыскательному европейскому уровню...

– Что-нибудь легкое, на ваш вкус...

– О'кей, мадам...

За свою жизнь он научился не только виртуозно смешивать коктейли, но и безошибочно определять вкус клиента. Этой даме бальзаковского возраста – кислотоватую «Маргариту», хорошенькой домохозяйке, обремененной шустрými близняшками, – легкий, как ночной бриз, «Кампари», нетерпеливо ерзающей в предвкушении курортного приключения красоте – экзотический «Тропикано», ну а тому обвешанному золотыми цепями молодцу – гремучую смесь «Текилы бум»...

Он сразу заметил новую туристку. И, как всегда, от нечего делать прикинул, кто она, откуда, чем занимается. Это легко понять в первые дни. Затем курорт, как морская волна, постепенно размывает статусы, различия, степень усталости и платежеспособности, всю цивилизационную ветошь, оставляя лишь основное – принадлежность полу. Мужчин и женщин.

Не больше двадцати пяти. Внешне – не красавица, но фигурка ничего. Шатенка с глазами цвета старой меди, довольно красивой миндальной формы под сеткой лохматых ресниц, с нахмуренными бровями и тонкогубым ртом.

«Женщины с тонкими губами почти все стервы...»

Пожалуй, она была молода для бизнесвумен, только довольно строгое для курорта песочного цвета элегантноe платье, размашистая, хоть и удивительно легкая походка, цепкий придирчивый взгляд, в котором не таилось и намек на бархатную улыбку, свойственную девушкам ее возраста, – все это создавало впечатление женщины деловой, самоуверенной и неуживчивой. Скорее всего, россиянка. Только русским свойственно тащить с собой на курорт чемодан проблем. Но и никто, как они, через пару дней не отрываются на всю катушку, приводя в состояние легкого шока особо впечатлительных туристов иных стран.

– Простите, где я могу найти господина Касли?

«Черт возьми, – пронеслось в голове Али, когда, выслушав безупречную английскую фразу, он взглянул в холодные, темные глаза «новенькой». – Похоже, эта мадам умеет портить настроение...» И тотчас себя одернул: это не его дело. Он всего лишь скромный служащий, помогающий богатеньким клиентам потратить свои «отпускные». Интересно, зачем ей хозяин? Кто из персонала уже успел впасть в немилость? Несмотря на превосходный English, девица, без сомнения, русская. Англичанки-немки не стали бы начинать отпуск со скандала. Да и придраться-то не к чему: уж кто-кто, а «господин Касли» следит, чтобы в отеле все было на космическом уровне. Но россияне – особый народ. Только они способны ловить кайф в каком-нибудь четвертьзвездном клоповнике и доводить до белого каления персонал гостиниц, входящих в группу «лучших отелей мира». Помнится, ему рассказывали случай, как одна «ню рашен» требовала увольнения горничной за то, что та недостаточно четко произносила «добрый день»...

– Вы можете говорить по-русски.

Глаза цвета старой меди тотчас метнули две острых стрелы.

– Как вы узнали, что я из России?

– Догадался. – Он изобразил ослепительную улыбку. – Самые красивые женщины – русские. Что-нибудь выпьете?

Она снова поглядела на него исподлобья с какой-то мрачной подозрительностью. На миг ему показалось, что он где-то видел ее прежде. Нечто мимолетное...

– Не нужно дешевых комплиментов. Я не самая красивая женщина, и меня это нисколько не угнетает.

«Бац! Вот это заявочки. Очаровательная девочка, просто восторг».

– Вы бывали у нас прежде?

– Нет.

– Вам понравится. «Надежда» – один из лучших отелей в мире.

– Надеюсь. – Она усмехнулась. – Каламбур... Вы давно здесь работаете?

– Со дня основания. Что-нибудь выпьете?

– Значит, вы были знакомы с прежним владельцем?

– Он был моим другом. Но он давно умер, – на мгновение утратив дежурное обаяние, неожиданно для себя сухо ответил Али.

Эта девица начинала действовать ему на нервы. Не приведи аллах кому такую женушку... Еще парочка таких туристок – и сезон испорчен безвозвратно.

– Вам нужен хозяин? Я только что его видел...

– В самом деле? – Она присела на «таблетку». Али не понял, к чему относится это заинтересованное «в самом деле»: к бывшему владельцу или нынешнему. Он не желал обсуждать ни того, ни другого. – Налейте что-нибудь на ваш вкус...

«Кровавую Мэри...»

– Я сделаю наш фирменный. Думаю, вам понравится.

– Замечательно. – Она достала из внутреннего кармана пачку «Данхилла», закурила. – Значит, Селами Аванди был вашим другом...

Али не мог понять, что скрывает ее взгляд и чего она вообще хочет. Откуда этой вздорной девчонке, иностранке известно имя человека, умершего десять лет назад? Она тогда еще в куклы играла. Неужели?..

– Вы не похожи на него... – Осторожно произнес бармен, внезапно ощутив, как жаркий пот прошиб виски. Такого с ним не случилось в гораздо более знойные дни.

Она непонимающе нахмурила высокий лоб:

– А почему, собственно, я должна быть на него похожа? Мы не родственники.

– Простите, – озадаченно пробормотал бармен. – Я просто решил... Я подумал, что... Он был молод, красив, нравился женщинам, ну вы понимаете... – Слова чуждого языка находились все труднее.

Из бассейна выскочила молодая парочка и с радостным визгом понеслась к бару. Наверняка потребуют пива.

– Вы подумали, что я – его внебрачная дочь?! – На ее лице отразилось возмущение с легкой примесью презрения и гадливости. Внезапно она фыркнула, сомкнула искривившиеся тонкие губы на коктейльной соломинке, сделала глоток. – Занятно... – В ее голосе послышалось непонятное ожесточение.

Парочка из бассейна и впрямь потребовала пива. Затем оба расслабленно плюхнулись на шезлонги, подставив задорные юные лица под коварные солнечные лучи. У парня уже немного обгорели плечи. Завтра будет мучиться. Вот немцы – те сидят строго под тентами, с утра до ночи втирают масло во все мыслимые и немыслимые части тела и уезжают с киношным загаром.

– Значит, он был плейбоем? – все с той же гадкой иронией и язвительной усмешкой, делавшей ее губы еще тоньше и стервознее, произнесла незнакомка. – Почему же тогда он так плохо кончил?

– Простите, – устало вымолвил бармен. – Я не знаю, кто вы, да мне это и не нужно. Я не лезу в чужие дела. Мое дело – продавать напитки и смешивать коктейли.

– Правда? – Она снова обдала Али ледяным душем мрачного взгляда из-под слегка прищуренных век. – Необычный вкус... Терпкий, чуть горьковатый, ни на что не похожий... Мне нравится. Как называется?

– «Опиум».

Ее пушистые, темные, сомкнутые к переносице брови удивленно надломались.

– «Опиум»? Странное название...

– В жизни вообще много странного... – произнес Али, но непонятная гостья не разгадала осторожного вопроса, скрытого в этих словах.

– Да... – промолвила она с непостижимой задумчивостью, отвечая скорее своим мыслям, нежели собеседнику. – Вы правы...

– А вот и господин Касли. – Впервые в жизни бармен был несказанно рад видеть приближавшегося к ним грозного босса.

Незнакомка поднялась с «таблетки». Как-то по-школьному быстрым движением оправила платье и волосы, преобразившись вдруг в обыкновенную взволнованную девушку.

– Добрый день. Я могу вам чем-нибудь помочь?

В интонации и улыбке хозяина угадывалось вежливое внимание, и только. Он питал слабость лишь к грудастым, длинноволосым блондинкам. Коротко стриженные, невысокие, худощавые шатенки были вовсе не в его вкусе.

– Вы господин Асим Касли?

– Да.

– Я – Нина. Нина Кузнецова...

На мгновение Али показалось, что наступила звенящая тишина. Полная. Даже струи опресненной воды в бассейне прекратили шипеть. И в этом мрачном безмолвии так явственно почудился ему чей-то не то вздох, не то стон... Видимо, от духоты.

– Если бы я знал... – беззвучно выдохнул он, запоздало оправдываясь перед кем-то невидимым. – Если бы я только мог предположить... Черт побери...

– Эй, бармен!

Перед ним, обмахиваясь веером, возникла полная дама. Звуки постепенно снова заполнили мирок, сделавшись почти осязаемыми: музыка, смех, топот. Звуки искусственного рая, однажды ставшего настоящим адом для нескольких человек. Всего нескольких из тысяч, для кого все происшедшее, будь оно услышано, стало бы еще одной интересненькой курортной историей. Почти женским романом.

– Неужели... – прошептал бармен. Похолодевший стакан выскользнул из его расслабленных пальцев и рассыпался на сотню дробленых искр.

Шестнадцать прожитых лет...

* * *

Небольшой уютный отель на побережье утопал в зелени, оправдывая свое название – «Гарден».¹ Они работали в нем третий сезон: два друга, бармен и официант. Им нравилось это занятие: общение с разными людьми, музыка, смех, звон бокалов, шелест волн, хорошенькие девушки и страстные скоротечные романы...

Бармена, высокого, улыбчивого, с волосами, стянутыми на затылке в забавный коротенький хвостик, звали Али. Несмотря на сравнительно молодой возраст, он был настоящим виртуозом своего дела: из-под его загорелых рук выходили восхитительные коктейли. Его друг тем летом стал первым из двух кандидатов на должность старшего по ресторану. Помимо немецкого и английского он, единственный из всего гостиничного персонала, отлично владел русским. Языки давались ему легко, без особых усилий, а имея отменный нюх на прибыль, он сделал ставку на туристов из приоткрывшейся России. И не ошибся. Измученные холодами и проблемами, изголодавшиеся по жаркому солнцу и хорошему сервису, в поисках утраченного Эдема, россияне огромной волной хлынули на турецкий берег, потеснив осторожных англичан и экономных немцев. Они умели развлекаться и тратить деньги. Русские мужчины были щедры, женщины – красивы. Лето обещало стать удачным.

---

¹ В переводе с английского языка Garden означает «сад». (Примеч. ред.)

Официанта звали Селами, но для русских он был Александром, Сашей, а для англичан и немцев – Алексом. Последнее прилипло особенно. Он ничего не имел против: за чаевые, что ему перепали, можно было именоваться хоть царем Соломоном.

Невысокого роста, но отлично сложенный, он обладал выразительной внешностью южанина: жесткие вьющиеся волосы, глаза цвета спелого каштана, породистый нос, яркий чувственный рот. Движения его отличались вкрадчивой кошачьей фацией, а спектр белозубых улыбок – разнообразием: от подобострастной до обольстительной, в зависимости от назначения. Опуская длинные ресницы, Алекс умело надевал маску простодушия и неискренности для доверчивых туристов. На деле же за ней скрывался тонкий изворотливый ум, точно вычисляющий степень платежеспособности и слабые места размякших клиентов.

«Этот сукин сын Алекс кого угодно оставит без штанов, – крикнув, заметил как-то один добродушный русский малый. – Вот кто сумеет сделать бизнес...»

Работа начиналась рано утром и продолжалась до поздней ночи. Но молодость не знает усталости. Когда отель погружался в сон, друзья отправлялись в небольшой местный бар с забавным названием «Кокос». Расслабиться за кружкой пива, подцепить девочек из окрестных отелей и провести веселую ночь, чтобы после, сомкнув на пару часов глаза, вновь облачиться в униформу и к семи ноль-ноль явиться на службу, пред ясные очи управляющего.

Управляющего, «господина Касли», как почтительно и подобострастно именовал его персонал, за глаза иногда называли «господином Без...». Без определенного возраста – ему легко можно было дать от тридцати пяти до пятидесяти. Без вредных привычек – исключением, подтверждающим правило, изредка являлись, пожалуй, дорожные сигары, аппетитно пахнущие крепким кофе. Без особых привязанностей – к служащим он относился одинаково: как к необходимому набору офисной мебели, которая всегда должна находиться на своем месте. Поговаривали, что он женат, но никто ни разу не видел счастливой избранницы. Высокий, худощавый, прямой как шест, с бледным невыразительным лицом, на котором выделялись вьедливые желтоватые, как у тигра, глаза, просвечивающие подчиненного насквозь подобно рентгеновским лучам, управляющий появлялся внезапно и бесшумно, точно призрак, норовящий застигнуть врасплох. Даже когда босса не бывало в отеле, его вездесущая тень незримо витала повсюду. Излюбленным местом господина Касли был небольшой столик в баре у бассейна, откуда хорошо просматривался весь ресторан. Или же собственный люкс на третьем этаже, балкон которого также служил управляющему идеальным наблюдательным пунктом. Ходили слухи, что господин Касли долгое время работал в Германии. Так или иначе, но с его приходом в отеле воцарилась немецкая дисциплина, идеальный, почти маниакальный, порядок. За короткий срок управляющий сумел превратить ничем не примечательную захолустную гостиницу в одно из самых популярных мест отдыха для среднего класса, а прибыль, приносимая отелем, возросла в несколько раз, быстро окупив затраты на нововведения.

Персонал панически боялся нового начальника. Малейшая провинность, будь то недостаточно приветливая физиономия, крохотное пятнышко на белоснежной сорочке, пылинка на ботинке или намек на флирт с отдыхающими, каралась неминуемым увольнением. Доволен босс бывал столь же часто, как летом снегопад. Впрочем, ту же максимальную требовательность он проявлял и к себе, облачаясь, невзирая на зной, в строгие рубашки, шелковые галстуки и закрытые штиблеты. Управляющий в совершенстве владел английским и немецким, отлично – французским, разъезжал на сверкающем черном «БМВ» последней модели. Женщины, иногда сопровождающие его в поездках, были, точно на подбор, длинноноги и светловолосы, в умопомрачительных декольте, на высоченных каблуках. Они поблескивали драгоценностями и благоухали Парижем, в их облике ощущался пятизвездочный шик. Такие не заезжали в «Гарден». Они вообще были редкими гостями на турецких курортах, пред-

почитая более чистые моря, бархатные пески и томную экзотику бананово-пальмовых островов. Так что, где их выкапывал патрон, ведал один Аллах.

Алекс, как и все, недолюбливал и побаивался босса, но не мог не чувствовать к нему уважения, в глубине души лелея мечту о том времени, когда он сам помчится в шикарном авто с роскошной декольтированной блондинкой по ночному серпантину навстречу сверкающей неоновыми огнями витрин и ресторанов Анталии.

Но пока каждое утро, в семь ноль-ноль, позевывая, друзья приступали к работе. Повседневной, рутинной, без выходных и праздников, обыкновенной для курортных городков, где и время-то отсчитывают иначе – не посуточно, а посезонно: с конца апреля по начало октября – трудовой день, после – полгода спячки.

– Ох и завалился я вчера, – сообщил, позевывая, Али. Сезон начался недавно, и бармен все никак не мог втянуться в безумный ритм очередного лета.

– Стареешь. А я такую цыпочку склеил – ураган! – Довольно улыбнувшись, Алекс продемонстрировал большой палец и, будто знаменем победы, помотал им в воздухе. – Откуда-то из Сибири. Вот только имени, хоть убей, не могу припомнить.

– Не удивительно, – хмыкнул Али. – Сколько у тебя их было... Мозги-то не резиновые. Как невесту-то зовут, не забыл?

Алекс довольно рассмеялся:

– Я называю ее малышкой. Так проще не ошибиться.

Речь шла о дочери друзей семьи, двумя годами моложе Алекса. Отец настаивал на этом браке, и Алекс не особенно возражал. Она или другая – какая разница? А спорить с отцом – себе дороже выйдет.

– Она вообще-то симпатичная, – постарался утешить друга Али.

– Ничего. Жаль, что не блондинка.

– Перекрасишь.

– Это совсем не то, – с видом оскорбленного вопиющим невежеством знатока возразил Алекс.

– И когда свадьба?

– Мне все равно. Хоть завтра. – Алекс передернул плечами. – Пусть старики сами решают, раз им так хочется. Лично я менять свою жизнь не собираюсь. Хотя, если честно, не понимаю я женщин: неужели в двадцать лет охота вместо развлечений торчать на кухне или носки стирать? Шла бы лучше учиться.

– Девки вообще иначе устроены, – согласно кивнул бармен.

– Ага, особенно наши. Может, подарить ей на свадьбу пляжное бикини?

– Почему нет? – заржал Али. – Можно и до свадьбы. И попросить примерить.

– Ты что? – притворно вскинулся Алекс, старательно подделав интонацию под отцовскую. – «Она – порядочная девушка, из хорошей семьи!» А по мне, лучше бы она была не столь порядочная. Анекдот не расскажешь, по коленке не погладишь. Идешь, как мальчик, несешь какую-то муть, у самого аж уши вянут. Тоска. Минуты, выброшенные из жизни... То ли дело вчера... – При одном воспоминании о приятно проведенном вечере и последующей ночи Алекс довольно потянулся и, сощурившись, зевнул.

– Смотри. Отвернет тебе тесть башку... – благодушно заметил бармен.

– Атас, – шепнул проходивший мимо паренек-официант. – Босс приехал.

Друзья тотчас надели маски добросовестных тружеников.

– Пойду, пожалуй, от греха, поработаю, – вздохнул Алекс. – И что ему, кобелю старому, нейдет? Вчера с такой дамочкой укатил... Ноги от бровей. Я бы на его месте неделю на работе не появлялся!

– Потому-то он управляющий, а ты никак в старшие официанты не выбьешься, – философски заметил Али.

– Да ладно! – махнул рукой Алекс. – Доживу до его возраста, может, вовсе на баб смотреть перестану.

– Сменишь ориентацию? – ехидничал Али. Тогда держись от меня подальше.

– Засранец! – Алекс шутливо ткнул друга в плечо и получил ответный тычок. – Ладно, вечером в «Кокосе» потреплемся.

– Вечером новый заезд, – вздохнул бармен. – Только успевай поворачиваться. Выматываюсь, как собака...

– Новые девочки придут, – мечтательно улыбнулся Алекс. – Только бы не с тонкими губами. Женщины с тонкими губами почти все стервы.

– Ты можешь думать о чем-нибудь другом? – в сердцах сплюнул Али.

– Конечно. Осман должен мне двадцать марок. Пойду напомню.

Душный июньский вечер спустился на «Гарден». Воздух был так плотен и влажен, хоть режь ножом. Официанты зажигали свечи на столиках. Тихая музыка и шелест волн настраивали на лирический лад.

Она появилась из тонкого сумеречного тумана. Ее платье казалось сотканным из лунной паутины. Ее плечи и волосы отливали жемчугом. Она шла так легко, будто носки сандалий не касались прогретого асфальта. Подобно шлейфу стелился за ней в прыном воздухе едва уловимый, чуть горьковатый и, быть может, чуть тяжеловатый для столь невесомого создания аромат духов...

Последние лучи заходящего солнца разрезали как всегда внезапно сгустившийся полумрак, озарив все вокруг красноватым светом.

– Good evening,² – произнесла она, мягко проговаривая слова, приподняв в вежливой улыбке уголки полных чувственных губ.

Алекс открыл рот, чтобы ответить обычное: «Добрый вечер, мадам».

Но не вымолвил ни звука. Только смотрел, смотрел не отрываясь в ее аквамариновые глаза...

«Надежда...» Звуки этого незнакомого имени перекатывались в голове Алекса, как мелкие камушки во время прибою.

«На-деж-да...»

– Это... как мечта? – переспросил он однажды.

– Почти, – улыбнулась она. – И пожалуйста, не называйте меня «мадам»: я чувствую себя ужасно старой.

– Старой?! Нет! Вам ведь около двадцати двух, верно?

– Немного больше. – И она вновь улыбнулась загадочно и необъяснимо печально.

На пляже Надежда не принимала участия в дамской болтовне. Она, сидя под зонтом в шезлонге, читала книгу либо просто глядела на море не отрываясь, будто в ожидании паруса, иногда хмуря красивые, темной ниточкой, брови. Она чаще выглядела серьезной, даже чуточку печальной, чем веселой и оживленной. Казалось, ни теплое море, ни ласковое солнце не сумели развеять ее забот. По вечерам она приходила в бар, заказывала красное французское вино из самых дорогих и оставляла в бокале больше половины. Курортные ловеласы, пытавшиеся составить ей компанию, вскоре удалялись несолоно хлебавши: всех ожидал вежливый, но непреклонный отказ.

Кем она была? Усталой бизнес-леди? Поднадоевшей подружкой нового русского? Фотомоделью на отдыхе? Или кем-то еще? Впрочем, все это не имело большого значения.

---

² Добрый вечер (англ.).

Потому что для Алекса она оставалась манящей, загадочной и недостижимой, как яркая, но бесконечно далекая одинокая звезда...

Появление новой туристки не осталось незамеченным в отеле. Горничные без устали судачили о нарядах: «Видела лейблы? «Родной» Сен-Лоран...» Мужская же часть персонала дружно и детально обсудила фигуру и внешность, единодушно постановив: «Девочка – высший сорт».

– Ничего особенного, – выпятив пухлую нижнюю губку, авторитетно заявила личный секретарь босса, весьма хорошенькая голубоглазая крашенная блондинка Фериде. – Кожа да кости.

– Хоть убейте, не пойму, как эта пташка сюда залетела, – вслух размышлял Али. – При всем моем врожденном патриотизме, Турция, тем паче «Гарден» – явно не ее уровень, ясно, как стакан минералки. Или ей надоели богатые снобы? И что все вокруг нее перебесились? А по мне, ничего в ней нет особенного. Слишком тощая, костлявая, прижмешься – уколешься. Наша малышка Фериде даст ей сто очков вперед. «Утонченная, изысканная...» – передразнил он кого-то. – Возможно. Но в ней же нет огня. Совсем нет огня! Безжизненна, словно манекен в дорожном бутике! А по ночам небось деньги считает. Хоть бы пофлиртowała с кем для порядка! Курорт все-таки. И чего приехала?

Али говорил что-то еще, по ходу протирая посуду. Алекс молчал. Он вообще в последнее время предпочитал отмалчиваться. Вот и теперь он почему-то подумал, что при ярком солнечном свете цвет ее глаз сравним с сиянием воды в прибрежной лагуне... И сам удивился: с чего бы такой слог? Он ведь не писатель, не поэт – обыкновенный парень.

С того-то душного вечера жизнь Алекса изменилась. На первый взгляд все осталось прежним: Алекс был мил и любезен с отдыхающими, слегка высокомерен с коллегами, весел с друзьями, почтителен с управляющим. Но внутри его поселился еще один человек, чьи глаза постоянно искали Ее – женщину с именем-мечтой. Он видел ее, идущую с пляжа, закутанную в шелковое, цвета ясного моря парео, липнущее к влажному телу, обнимающему небольшую упругую грудь, узкие бедра, сильные стройные ноги... Он безошибочно различал ее голос, шаги, запах духов среди сотни других. Несмотря на приветливую улыбку и дружелюбие аквамаринового взгляда, Алекса охватывала необъяснимая робость, когда она входила в ресторан. По вечерам он зажигал свечу на ее столике, и между ними начиналась странная игра.

– Возьмите. – Она протягивала долларовые купюры. – Сдачи не надо.

Практичный Алекс моментально просчитывал приличный размер причитавшихся чаевых. Но стоило ему открыть рот для слов благодарности, как спрятавшийся внутри двойник произносил:

– Не надо...

В первый вечер Алекс заметил, как брови ее удивленно приподнялись. Пожав плечами, видимо решив, что денег недостаточно, она вытщила еще:

– Возьмите. Это вам.

– Нет, спасибо...

И улыбался как полный кретин.

Вскоре эти странности стали замечать и остальные.

– Ты что, совсем спятил из-за этой новой русской мадам? – недовольно сказал Али.

– Тебе-то что?! – неожиданно вскипел Алекс. – Не лезь не в свое дело!

– Я – твой друг, – обиженно возразил Али, – и обязан тебе сказать то, о чем молчат другие. Увлечение – это прекрасно, но работа страдать не должна. Не берешь чаевых – это

уже клиника! Дамочка богата, без очков видно. Они здесь для того, чтобы тратить, мы – чтобы им помочь в этом. Или ты ждешь, когда сию прописную истину тебе напомнит босс?

Алекс молча вертел в руках до блеска отполированный бокал.

– Оставь, – недовольно сказал Али и, отняв, снова принялся тереть стекло так, что оно завизжало, словно наказанный щенок. – Неужели ты сам не видишь, что здесь ничего не обломится? Она и не таких отшила...

– Что ты хочешь сказать? – вскинулся Алекс. – Каких «не таких»?

– Не заводись! Я лишь напоминаю, если ты успел позабыть, что мы с тобой не миллионеры и даже не менеджеры. А с такой мадам, как эта, мордашки мало.

– Ты прав... – тихо, будто про себя, понуро протянул Алекс.

– Да на кой она тебе сдалась! – продолжал Али. – Оглянись вокруг! Сколько девчонок ходит – закачаешься! Вон, гляди, какая попка прошагала... – Бармен, как заправский гимнаст, изогнулся вслед фигуристой рыжеволосой девушке в наряде, не оставлявшем ни малейшего сомнения в наличии у его обладательницы всех необходимых достоинств.

– Подумаешь, – скривился Алекс. – Обычная пляжная дешевочка в бикини.

– А тебе что, жениться?! – Али швырнул полотенце на стойку. – На черта такая фифа? Посмотри, она за ужином вино заказывает – двадцать баксов бокал. Ты поведешь ее в «Кокос»? Такой подавай дорогой ресторан, такси к подъезду, ковер под каблучки... Хочешь спустить за неделю все, что заработал с начала сезона? А за институт чем платить будешь? Натурой? Болван!

– Ладно, отвали. Ты невыносим, когда начинаешь корчить из себя философа и знатока жизни.

– Если бы ты не был моим другом, я бы молчал. Но мне не наплевать...

– Не помешаю? Кажется, вы прямо-таки завалены работой... – бесцеремонно вклинился в разговор некто третий.

– Ба! – изобразив безумный восторг, ернически воскликнул Алекс. – А я-то с самого утра голову ломаю: увижу ли «номер два»? Или день пройдет впустую? Доброе утречко, дорогой Мустафа.

– Мы еще поглядим, кто из нас под каким номером, – буркнул подошедший.

Именно он, Мустафа Офенди, и был конкурентом Алекса в возможном повышении. Он обладал средней внешностью, на которой застыла вечная гримаса недовольства, и препротивным характером. Мустафе было двадцать пять, в «Гардене» он работал со дня основания, резонно полагая, что давно заслуживает большего, чем разносчик еды. Алекс пришел двумя годами позднее. С изумлением, сменившимся ненавистью, Мустафа наблюдал за взлетом вчерашнего мальчишки, с восточным долготерпением выжидая малейшего промаха конкурента, чтобы незамедлительно обернуть его в свою пользу. Как всегда, Мустафа был не в духе, но при виде Алекса кислое лицо его оживилось, и это означало, что сейчас он скажет какую-нибудь гадость.

– Что, Селами, малолетки тебя уже не устраивают? Решил попрактиковаться с опытной женщиной?

Кровь бросилась Алексу в лицо, но он постарался сохранить спокойствие.

– О чем это ты, Мустафа? Сперма в голову ударила? Хочешь, поделюсь с тобой одной из девочек?

Мустафа взял со стойки зубочистку и поковырял во рту.

– Ага, может, новенькой – русской блондиночкой с толстым кошельком и видом недоτροги? Признайся честно, Селами, что тебе в ней больше нравится: ножки, попка или бабки?

– Заткнись, придурок... – Алекс сжал кулаки.

– А ну, давай, – вплотную придвигаясь к нему, процедил Мустафа. – Давай, врежь мне. И вылетишь с работы как пробка от шампанского. Казанова хренов.

– Ребята, успокойтесь, – втиснулся между ними Али. – Мы же коллеги...

– Я-то спокоен. Пусть твой дружок остынет. Алекс, детка, думаешь, ты тут самый крутой? – Мустафа выплюнул зубочистку под ноги конкурента. – Как бы пожалеть не пришлось...

Он закурил и, вразвалку, побрел дальше с явно улучшенным настроением.

– Сволочь, – заметил Али.

– Типичная, – хмыкнул Алекс. – Только и умеет, что стучать. И этот баран надеется сделать карьеру!

– Может, и сделает, – философски подметил бармен. – Стукачество нынче в моде.

– Как же! Скорее море высохнет. Или снег пойдет в июле.

– Черт с ним! – махнул рукой бармен. – Расслабься. Офенди прав в одном: довольно тебе дурью маяться. Давай махнем сегодня в «Кокос», подцепим клевых девочек...

Али что-то говорил и говорил, но его слова растворялись подобно миражу в жарком дыхании наступавшего дня. Алекс молча глядел, как долетевший с моря легкий бриз нагоняет мелкую рябь на бирюзовую гладь бассейна...

Сгущались сумерки. Лениво переговариваясь, отдыхающие медленно стекались на ужин, словно боясь расплескать переполнившую их благодать. Плавные турецкие напевы, заводимые в «Гардене», соперничали с доносившейся из соседнего отеля душещипательной песенной историей о русском мальчике, который уже какой год хочет, но почему-то никак не уедет в некий далекий загадочный Тамбов. Немцы еще держались в «Гардене», но Алекс упорно предсказывал к пику сезона пятьдесят на пятьдесят, а в последующие годы – бескровное поражение Дойчланда.

– Добрый вечер...

Внутри у Алекса что-то с размаху бухнуло вниз.

У нее была особенная походка. Он сразу это отметил: она ставила одну ногу точно перед другой, будто шла по невидимому канату. Обычно так ходят манекенщицы, балерины, танцовщицы... Жгучее солнце почти не тронуло ее жемчужно-белой кожи. Лишь чуть-чуть позолотило руки да слегка разругало щеки. Сквозь молочного цвета платье, полупрозрачное, струящееся до самой земли, но создающее иллюзию легчайшего облака, лунной пыли, проступали зримые очертания тонкого тела. В подобном наряде было куда больше скрытого эротизма, нежели в самом откровенном бикини. Но, похоже, его хозяйка нисколько не задумывалась об этом. Она, даже украдкой, ни разу не взглянула по сторонам, как обычно делают женщины, желающие произвести впечатление, чтобы убедиться, удалось ли. Просто оделась и пришла поужинать. Чтобы потом, как всегда, ускользнуть в полном одиночестве, оставаясь непостижимой, непонятой, неразгаданной.

– Добрый вечер, Надежда... – Он выговаривал звуки ее имени с особым старанием.

– Добрый вечер, Алекс.

В аквамариновых глазах тонули отблески свечей.

– Ты совсем не загорашь.

– Солнышко меня не любит. Кто знает, может, я – Снегурочка, и в нем моя погибель?

Он с трудом отвел взгляд от приоткрывшихся в легкой улыбке губ.

– Оно просто не желает портить такой изумительный цвет...

Осторожно, кончиком мизинца он, как бы невзначай, коснулся тонкого запястья, моментально ощутив, как свечное пламя, перебросившись, побежало по его артериям. Безобидный жест волновал сильнее изощреннейшей ласки. Глупо и странно: ведь он давно вышел из возраста юношеской гиперсексуальности.

– Ты, случайно, не манекенщица? – спросил он просто потому, что хотел сказать что-нибудь еще, но ничего более умного в голову не пришло. Рядом с ней он вообще отчего-то

напрочь утрачивал обыкновенную бойкую развязность, что обычно так нравилась женщинам, а фразы на неродном языке получались корявыми, вымученными и неловкими.

– Нет, я не манекенщица. Да и ростом не вышла. – Она снова одарила Алекса своей неподражаемой, с легкой грустинкой, улыбкой.

– Почему ты так редко улыбаешься?

– Ты наблюдаешь за мной?

Неожиданно Алекс смутился. Слова снова застряли в горле. Обаяние этой женщины парализовывало его волю сильнее, чем призрак босса. Возможно, все дело было в ее необычайно белой коже, пушистых волосах, необычном цвете глаз или запахе духов... Должно же было быть разумное логическое объяснение этой напасти...

– Извини, – промямлил он, – что ты будешь пить?

– Кажется, у вас был неплохой «Medok»?

– О'кей.

Все-таки у нее была потрясающая улыбка. Более загадочная, нежели у этой... как ее там... Джоконды.

«Вот придурок! Ты и видел-то эту самую Джоконду только на картинке. В школьном учебнике», – одернул Алекса кто-то внутри. Он бросился к бару, на ходу пытаясь отрешиться от этого чертова наваждения, когда управляющий сделал знак подойти.

– Тебе за что деньги платят, за пустопорожнюю болтовню? – Скрежет напильника по стеклу показался бы музыкой в сравнении с голосом босса.

– Виноват, господин Касли.

– Иди работай.

– Да, господин Касли.

Алекс, придав лицу крайнюю степень раскаяния, завернул за угол и оттуда, проводив неприязненным взглядом удаляющуюся долговязую фигуру управляющего, продемонстрировал вслед оттопыренный средний палец.

Вечер был тих и влажен. Море монотонно бормотало что-то серой гальке. Надежда сидела на остывшем лежаке, обняв руками колени, вглядываясь в черную даль, туда, где должен быть горизонт.

– Можно? – спросил Алекс, присаживаясь рядом на остывший песок.

Она молча кивнула. Он тоже молчал. Язык сделался тяжелым, как булыжник.

– Как много здесь солнца... – заговорила женщина. – Просто неестественно... А в Москве снова холодно и дожди...

– Первый раз в Турции?

– Нет. Однажды отдыхала с дочкой в «Зигане».

– Один из лучших отелей... Значит, у тебя есть ребенок?

– Ей уже шесть... – При этих словах лицо Надежды впервые озарилось мягким светом, будто включился волшебный фонарик.

– О! А муж... тоже есть? – спросил он и тотчас прикусил губу: тебе-то что за дело?

– Есть. – Она внезапно погрустнела. – Он приедет позже. Через день или два...

– Ты здесь уже пять дней.

– Значит, ты все же наблюдаешь за мной... – не то спросила, не то констатировала она строго. – Зачем? Разве тебя это касается?

Алекс замялся. Он и сам всегда избегал всяческих проблем, считая, что отношения с заезжими красотками должны сводиться к получению взаимного удовольствия. И никогда не отступал от этого правила. А сейчас не понимал, какая сила удерживает его рядом с этой женщиной, заставляя подбирать возможные слова-утешения на чужом языке. И единственным, что ему хотелось изменить, было ее настроение.

– Я не слежу... Просто...

– Ты милый мальчик. – На ее лице сквозь дымку печали проступила легкая улыбка.

– Я давно не мальчик, – возразил Алекс и сам смутился двусмысленности этой фразы. Надежда рассмеялась.

– Когда ты смеешься, то становишься еще красивее...

– Ты вправду считаешь меня красивой?

– Ты самая прекрасная женщина в мире. Я никогда прежде таких не видел, – с жаром выпалил Алекс.

– Неужели?

Она перестала улыбаться, опустила глаза, внезапно погрузившись. Ресницы вздрагивали, словно крылья ночной бабочки. Алекс накрыл ее руку ладонью. Пальцы были прохладными. Надежда высвободила руку, поднялась, поежившись. Он поднялся следом, мысленно выругав себя за эту маленькую вольность, одновременно поразившись подобному самобичеванию: любую другую «мамзельку» он попросту погладил бы по колену.

– Становится зябко, – проговорила Надежда. – Жаль. Я хотела искупаться. Сейчас так хорошо, тихо...

– Пойдем в бассейн, – предложил Алекс.

– Разве ночью можно?

– Если очень хочется, то да.

Женщина колебалась.

– Можем даже музыку потихоньку включить.

– Пожалуй, это лишнее, – сказала она, покачав головой.

– Ладно, музыки не будет. Будет танец.

– Танец? – Она удивленно приподняла брови-ниточки. – Какой танец?

– Я пошутил, – смутился Алекс. – Так просто... Что, пойдешь? – Внутренне пригрозившись к отказу, он переспросил лишь потому, что не привык отступать после первой попытки, да и после второй тоже. Но здесь был совсем иной случай. («Тяжелый случай», – сказал бы Али.) – Пойдешь?

И едва не подпрыгнул от восторга, услышав в ответ:

– Хорошо. Пойдем.

Пустой бассейн мерцал изнутри мягким голубым светом. Надежда скинула платье и, оставшись в бирюзовом купальном костюме, на котором плескались среди кораллов золотые рыбки, замороженно смотрела на тонущую луну.

– Ну что же ты? Смелей! – Алекс подтолкнул ее в спину.

Вскрикнув, неловко взмахнув руками, взметнув фонтан брызг, она ушла под воду. А потом вновь появилась на поверхности, напоминая разъяренную кошку.

– Зачем ты это сделал, черт побери?! Ненавижу нырять!

– Просто хотел помочь войти, – обезоруживающе улыбнулся Алекс.

– Я теперь похожа на мокрую курицу.

– Нет, на русалку. Или сирену? Как это по-русски?

– Дай руку.

Алекс с готовностью подчинился, и это было ошибкой. В тот же момент он оказался в воде.

– Вот как это по-русски, – мстительно объявила Надежда.

– Эй! – крикнул он, отплеываясь. – Ты что наделала? На мне же рабочая одежда!

– Высушишь утюгом!

Скучавшие на своих балконах отдыхающие с живым интересом наблюдали, как он нырнул, сперва за одним ботинком, выбросил его на берег, потом за другим. Всем было очень

весело. Особенно ей. Уже взобравшись наверх, Надежда смеялась безудержно, до слез, как расшалившаяся школьница.

– Как столь кроткое создание может быть столь коварным?

Он приблизился к ней вплотную. Ее глаза искрились смехом. С волос струйками стекала вода, рассыпаясь сверкающими капельками по матово-бледной коже. Ему вдруг чертовски захотелось закурить. Но еще больше – поцеловать ее в полураскрытые губы.

– Как называются твои духи? – Он вновь ощутил горьковатый аромат.

– «Опиум».

– «Опиум»... Как наркотик?

– Ну... Как дурман, понимаешь?

– Да, – произнес он внезапно охрипшим голосом. – Опиум... Как наркотик, как дурман... Как ты...

Горячая волна, захлестнув изнутри, больно ударила под ребра, прокатилась вниз. Не в силах долее бороться с собой, он крепко обнял Надежду. Она была прохладной и гибкой, как русалка. Призрачным фантомом она выскользнула из его рук, тотчас сделавшись серьезной и недосягаемой.

– Алекс, я очень тебя прошу не обращаться со мной, как с твоими пляжными девочками. Извини, если я нечаянно забылась и подала повод. Больше подобное не повторится.

– Все не так... – застонал он, рванув себя за мокрый ворот. – Не так...

– Вот и хорошо. – Она поправила волосы, набросила платье. – Спокойной ночи.

– До завтра... – Он, не отрываясь, глядел ей вслед. – Надежда...

Ему отчаянно хотелось, чтобы она обернулась, но этого не произошло.

Алекс достал сигареты, но они промокли. Он чертыхнулся, стянул рубашку. И тут вновь увидел Надежду. На балконе первого этажа номера люкс. Накануне в бар завезли палочки для размешивания коктейлей, выточенные в виде тоненькой женской фигурки, полупрозрачные, оттенка лунного света... Почему он вспомнил об этом? Алекс не знал. Как и то, смотрит ли Надежда на него или просто любит ночным видом. И как ему избавиться от мыслей о ней... Идиот. Так сказал бы отец. И на сей раз был бы прав.

Она повернулась и ушла. Ночь опустела.

Алекс вернулся к морю, пошел вдоль, добрал до нейтральной территории: куска земли, не принадлежащего ни одному отелю. Там, на берегу, усыпанном разновеликими камешками, росли кусты пахучего жасмина. Алекс сорвал лист, принялся яростно жевать.

Послышался залиvistый смех. Так нарочито, с оттенком вульгарности хохочут женщины в обществе курортных ловеласов. Так и есть: высоким нотам вторил вкрадчивый мужской баритон. Парочка приближалась. Алекс кашлянул, шаги на секунду замерли, а затем прошелестели мимо по направлению к следующим кустам. Трах-трах на берегу. Просто и незатейливо, как английский завтрак. Что мешает ему заняться тем же с очередной смазливой туристочкой, прибывшей в поисках новых ощущений?

Алекс долго сидел, таращась на море, пытаясь разобраться в себе, но это оказалось слишком сложным.

Когда он вернулся в «Гарден», уже светало. Стояла звенящая тишина, какая бывает обычно перед изменением ветра на похолодание. Никем не замеченный, Алекс прокрался к корпусу и забросил большой букет жасмина на балкон первого этажа номера люкс.

Впервые за многие месяцы Алекс проспал и влетел в отель с опозданием почти на час. День выдался знойным. Уже с самого утра солнце палило немилосердно. И это в июне. Чего же ждать от пика сезона?

– Хреново выглядишь, – приветствовал друга бармен. – Мустафа уже о тебе справлялся. Я сказал, что послал тебя за прохладительным для бара. Но он не такой дурак, как сволочь... Настучит, как пить дать.

– Отбрешусь.

– Ты что, заболел? В «Кокос» вчера не пришел.

– Устал. Лег спать.

– А-а-а... – неопределенно протянул Али. – А твоя мадам укатила утром на сафари. С трудом представляю ее скачущей на джипе по горам, в пыли и грязи... Не упала бы в обморок, бедняжка. Знаешь, в чем твоя проблема? – добавил он, заметив, как гневно блеснули глаза приятеля. – Синдром запретного плода. Перепихнулся бы с ней разок – и все как рукой сняло бы...

– Заткнись и не трепись о том, в чем ни хрена не смыслишь! – оборвал Алекс.

– Ты много смыслишь! – вскинулся Али. – Ходишь и глазеешь, как кастрированный кот. Тьфу! Смотреть тошно.

– Не смотри. – Алекс зажег сигарету. – Не знаю, доходит до тебя или нет, но она не из этих – «Пойдем, быстренько трахнемся...».

– Ну разумеется! – ернически развел руками бармен. – Монахиня на курорте. И что же она делает здесь одна?

– Мужа ждет.

– Че-го?!

– Ничего! – рявкнул Алекс. И добавил уже тихо: – Муж к ней должен приехать. Какой-то деловой.

Али возмущенно позвенел стаканами.

– Что-то он не торопится. По-моему, крошка парит всем мозги. Может, она просто предпочитает женщин?

– Ты думай, что говоришь! – взбеленился Алекс. – У нее ребенок...

– Ну и что? – возразил бармен. – Это ничего не доказывает. Или она из тех дамочек, которые вообще не любят этим заниматься. У них там... – он выразительно постучал себя пальцем по лбу, – что-то не в порядке. Они бредят Богом или чем-то еще... Ходят на всякие благотворительные сборища... Заводят себе маленьких собачек, таких дрожащих, на кривеньких ножках... Таскают их с собой повсюду на руках, целуют в нос... Тьфу! – Али с омерзением сплюнул.

– Ты-то откуда знаешь? – изумился Алекс, наповал сраженный красноречием друга.

– По телику видел. По кабельному. Хороший фильм, между прочим, американский. Как же его... А, вспомнил: «Запретная страсть»! – торжествующе провозгласил Али.

– Ну и дерьмо же ты смотришь, – с сожалением заметил Алекс и сплюнул в ответ на пышную розовую клумбу.

Надежда вернулась под вечер. Подкоптившаяся, в пропылившейся одежде, но вполне довольная. Алекс столкнулся с ней в холле, и мир вокруг сразу заиграл яркими красками.

– Как тебе сафари?

– Замечательно. Просто класс!

– Не испугалась?

– С чего бы? – Она упрямо тряхнула головой, как своенравная школьница.

– Кто вел машину, проводник?

– Я сама.

– Ты?! Вела джип по горам?!

– А что тут такого? – Она недоуменно приподняла брови. – Я вообще люблю машины и быструю езду.

– Надо же... А что ты еще любишь?

– Золото и бриллианты, – ответила она с издевкой. – Извини, но мне нужно принять душ и переодеться.

Она сделала несколько шагов по лестнице – и вдруг обернулась. Ее колючесть исчезла, а на губах заиграла чарующая мягкая улыбка.

– Эй... – негромко сказала Надежда. – Я люблю цветы. Спасибо...

Ветер все-таки изменился, и за необычайно душным днем последовал неожиданно прохладный вечер. После ужина на маленьком пяточке забацали диско. Конечно, не то что в «четверке» или «пятерке» – простенькие танцульки под старую добрую фонограмму, но нетребовательный и отдохнувший нижний уровень среднего класса с удовольствием пытался изобразить танец живота, который более походил на кручение задницами. Надежда появилась на диско в самом разгаре, когда «животный» танец плавно переходил в неторопливое покачивание в стиле летнего бриза.

– Добрый вечер, Надежда... – Он пожал протянутую руку, стараясь ощутить в ладони волнующую прохладу каждого длинного пальца.

– Работать, Аванди! – хлестнул по ушам резкий, с металлической ноткой, голос управляющего.

Подойдя к барной стойке, Алекс наблюдал, как босс что-то сказал Надежде, как она, улыбаясь, сперва несколько раз качнула головой, но после все же подала ему руку, и они примкнули к танцующим.

– Старый хрен... – с закипающей яростью прошептал Алекс.

– Между прочим, ему всего сороковник, – заметил Али. – Многим женщинам нравится, когда мужик старше. – К тому же он босс, а ты только пешка. Женщины любят победителей, детка.

– Ну, спасибо, – уязвленно сказал Алекс.

– Не за что. Настоящий друг должен всегда говорить правду, какой бы неприятной она ни казалась, – парировал Али.

– Когда-нибудь я тоже стану управляющим... – Алекс не сводил глаз с танцующей пары.

– Ты станешь безработным, если будешь ссать против ветра.

– Заткнись. Когда-нибудь у меня будет свой отель.

– Возможно, – невозмутимо кивнул Али. – Если ты женишься на вдове владельца. Но учти: все они старые, некрасивые и жутко стервозные. С тонкими губами.

Исчезла Надежда так же внезапно, как и появилась. Алекс увидел ее уже на балконе. Легкий ветерок играл шелковистыми прядями длинных волос, словно паутиной.

– Эй, – окрикнул снизу Алекс, – что так рано ушла? Не любишь танцевать?

– Люблю. Просто не то настроение. Надоело искусственно взбадривать себя, когда на душе кошки скребут, понимаешь?

– Еще бы, – честно признался Алекс. – Послушай, я хочу кое-что у тебя спросить.

– Спрашивай.

– Можно я поднимусь на секунду?

– Зачем?

– Не люблю смотреть на красивых женщин снизу вверх.

– Комплекс? – рассмеялась Надежда.

– Нет. Просто шея затекает.

– Ничего, пройдет.

– Если босс меня застукнет и уволит, это будет на твоей совести. Я тебя не съем. Обещаю.

– Ну ладно, зайди, – смягчилась Надежда, пряча улыбку. – Но учти: если что – сброшу вниз.

Алекс моментально подтянулся и перемахнул через перила.

– А здесь невысоко, – довольно отметил он.

– Чувствуется навыв, – критично оценила Надежда. – Ну и что тебе так не терпится узнать?

– У тебя дома есть маленькая собачка? Такая дрожащая, на кривеньких ножках...

– Нет, – изумилась женщина, – у нас кошка. А что?

– Ты целуешь ее в нос?

– Зачем? Слушай, Алекс, ты, случайно, не заболел?

– Меня об этом часто спрашивают в последнее время. – Он вытащил сигарету и принялся вертеть ее в руках, чтобы отвести взгляд от незащитно-тонкой шеи и жемчужной округлости плеч, прячущихся под бездушной тканью наброшенной сверху шали. – Ты сказала, что любишь машины и быструю езду... Хочешь, я покажу тебе подлинную красоту этой страны: крутой серпантин дорог, мощь и величие ночных гор, дикие песчаные пляжи, где не ступала нога туриста? Хочешь настоящих танцев? Поедем в диско, самое сногшибательное на побережье. Там твоя хандра развеется, как утренний туман...

– Ты спятил? – Он тонул в черной пучине ее расширенных зрачков. – Я не могу!

– Но почему, черт возьми?! Почему бы не доставить себе немного удовольствия? Жизнь так коротка, а лето мимолетно!

– Это не значит, что я должна куда-то ехать с тобой.

– Я не предлагаю ничего непристойного! Просто покататься, потанцевать... Когда приедет твой муж?

Уголки ее губ дрогнули. Она встряхнула головой. Волосы метнулись и опали.

– Становится прохладно, – проговорила она, зябко кутаясь в шаль. – У него много работы... Очень много. Думаешь, легко добиться всего с нуля? Таких, как он, называют self-made man – человек, сделавший себя. Без денег, связей, криминала. Он работает день и ночь, чтобы мы с дочкой ни в чем не нуждались. Я просто сижу на его шее... – В ее голосе послышалась неожиданная горечь.

Алекс почувствовал боль, как от неведомой раны.

– Ты его любишь?

Она посмотрела в сторону, туда, где под деревьями маленьким водопадиком шипел, извивался фонтан. Секунду помолчала, словно размышляя, нужно ли отвечать.

– И да и нет... Вот сейчас я готова его ненавидеть. Но если бы он переступил этот порог, я забыла бы обо всем. Даже о самой себе... – Она потерла пальцами виски. – Он был моей первой любовью, первой страстью... Самым умным, нежным, понимающим... Он был мужчиной моих снов, моих грез, моей мечты... Как бывает, когда тебе восемнадцать... Ты, наверно, понимаешь... Мы поженились. Через год родилась дочка. Сережа поступил в аспирантуру, а вскоре защитил кандидатскую. Я тоже закончила учебу, устроилась работать. Ему, молодому талантливому ученому, прочили блестящие перспективы... Нам казалось, что все наши мечты сбылись, что наше будущее светло и прекрасно, и незыблемо, как египетские пирамиды...

Она говорила тихо и медленно, устремив затуманившийся взгляд в пустоту, точно разговаривала не с Алексом, а с собой или незримым наперсником, кому можно доверить самое сокровенное. Так разговаривают со случайными попутчиками, зная, что через пару часов или дней они не увидятся никогда, и чужая боль, сброшенная с плеч, еще одним крохотным камушком ляжет на дно океана бытия.

– А в девяносто втором грянул кризис. И вскоре выяснилось, что ни наука, ни образование никому больше не нужны. Уметь торговать – вот что оказалось самым главным. Тряпками, едой, мозгами, телом, родиной... Вся страна превратилась в гигантский черный рынок – грязный, нецивилизованный, живущий по своим неписанным правилам, не имеющим ничего общего с нормой. Наверно, не осталось в тогдашней России человека, не прошедшего через эту пытку. Но те, кто выдержал, – остались на плаву. Наша семья не стала исключением. Предприятие, где работал Сергей, закрылось. Муж остался без работы. Моей зарплаты с трудом хватало на питание. Я перешивала дочке старую одежду, бегала по частным урокам. Сергей с трудом устроился ночным сторожем. По выходным мы брали товар и отправлялись на рынок. Как ни странно, мне было проще. Возможно, так предусмотрено природой: женщины, самки, обладают большей способностью к мимикрии, чтобы выжить самим и выкормить потомство... А вот Сережа... Он не жаловался, но я видела, как медленно затухает огонь в его глазах... Он улыбался все реже, пока не перестал вовсе. Однажды я застала его неподвижно сидящим в темноте с устремленным в никуда, отрешенным, усталым взглядом. Он назвал себя неудачником, попросил прощения за то, что не может дать нам с дочкой того, что мы заслуживаем. Я крикнула, что деньги, положение в обществе еще не означают счастья, что я люблю его и не променяю ни на кого на свете. А он вдруг закрыл лицо руками и заплакал... Я впервые увидела, как он плачет. И впервые за все эти годы поняла: для счастья семьи любви ему недостаточно... И от этого внезапного открытия я тоже заревела. Мы сидели в темной комнате и оплакивали свои потери, не оправдавшиеся надежды, разрушенные иллюзии... И ни один из нас не затворил покрепче дверь, чтобы тепло догорающего очага окончательно не покинуло наш дом...

Все изменилось в одночасье. Как всегда, когда меньше всего ожидаешь. Сергею позвонил давний знакомый, оказавшийся у дел. Он занимал крупную должность в «Уорнер Фуудс интернешнл». Слышал?

– Конечно, – отозвался Алекс.

Можно не уметь читать и писать, но не знать одну из известнейших западных компаний – производителей продуктов питания, чьими товарами забиты полки в скромной лавочке соседа и крупнейшем, супермаркете Анталии, а мелодии из рекламных роликов которой распевают малые дети, – просто невероятно.

– Этому человеку понадобились свои люди. На самую неквалифицированную и малооплачиваемую работу – торгового агента. Конечно, Сережа согласился. А через год произошло невероятное: ему предложили должность в офисе с весьма приличным окладом. «У Сереги прямо нюх на прибыль», – сказал тогда потрясенный работодатель. Муж пропал на работе день и ночь. Выучил второй язык, немецкий, в дополнение к беглому английскому. Учился всему, чему только было возможно. Не вдаваясь в детали, скажу, что за четыре года Сергей прошел по всем ступенькам карьерной лестницы: от младшего ассистента до директора одного из департаментов. Спустя еще пару лет Сергей стал замом генерального. Мужу вручили ключи от персонального автомобиля и новый контракт, в котором была проставлена годовая сумма его заработной платы в долларах. Шестизначная. На банкете, устроенном в его честь, все в один голос твердили, что столь стремительный взлет – редчайший случай в истории делового мира. Сергей же ответил, что собирается и впредь отдавать все силы компании. Боже мой, как блестели его глаза... Как во время нашей свадьбы... Он и вправду женился во второй раз. На своей карьере. И я, стоя рядом в приобретенном специально «на случай» потрясающем и баснословно дорогим платье, с натянутой улыбкой принимая поздравления, мучительно размышляла над тем, какая из жен – любимая...

Постепенно Сережа все больше отдалялся от меня. Дочка стала часто болеть, и мне пришлось уйти с работы. Сергей приходил все позже. Мы с малышкой сидели вдвоем в огромной квартире, смотрели в темное окно и ждали папу... Потом я укладывала дочь, сади-

лась к телевизору или брала книгу, но не понимала смысла увиденного или прочитанного... Прошлая зима растянулась на несколько лет. Мне казалось, что я понемногу схожу с ума. Муж возвращался уставший, отчужденный. Все попытки поговорить наткнулись на глухую стену раздражения: «Как ты не понимаешь: у меня работа...» Я отчего-то все чаще принималась орать или плакать, и он, взбешенный, хлопал дверью. Он вообще сильно изменился. Стал жестче, циничнее, злее. Иногда он просто пугал меня. Однажды, рассказывая о чем-то, обронил фразу: «Бизнесмен должен уметь перешагивать через трупы врагов и друзей...» Конечно, это было сказано в переносном смысле, но у меня отчего-то мурашки пошли по коже...

Медленно, очень медленно наступило лето. Однажды утром я взглянула в зеркало. На меня глядела постаревшая, подурневшая, злая незнакомая женщина. Женщина, которая не могла бы понравиться никому, даже самой себе. Я поняла: так дальше нельзя. И собрала вещи, мои и дочери.

Мы уехали к моей маме. Бабушке Оле, как называет ее Ниночка. Ночью приехал Сергей. Потрясенный, разгневанный, расстроенный. Он никак не мог понять, что же произошло. Твердил, что живет только для нас... Он в самом деле верил, что говорил правду. Кое-как объяснившись, мы решили, что нам следует побыть вдвоем.

«Устроим второй медовый месяц, – сказал он, – выбирай, куда поедем... Ткни пальцем в карту». Я так и сделала. Сергей рассмеялся и сказал: «Повезло, что не попала в Антарктиду. Теперь выбирай отель». И я выбрала. Маленький, уютный, лишенный помпезности. В каком мы остановились бы восемь лет назад... Дочку мы решили оставить с бабушкой. Наверно, это было неправильно, и Бог наказал меня за эгоизм...

В последний момент Сергей объявил, что не сможет лететь в тот день. Непредвиденные обстоятельства. «Я буду чуть позже, – сказал он, поцеловав меня в аэропорту. – Не скучай, любимая...»

«Не скучай, любимая...» – Надежда закрыла лицо руками, а когда отняла их, попыталась улыбнуться сквозь невыплаканные слезы. – И вот я здесь. Такая история... Ты прости, – спохватилась она, – что я тут разболталась, словно на исповеди. Со мной это впервые. Обычно я не вешаю свои проблемы на окружающих. Наверно, все дело в солнце... Здесь его так много, что иногда кажется: что-то тает внутри меня... Представляю, что ты сейчас думаешь обо мне: «Бедная богачка бесится с жиру, а я вкалываю с утра до ночи и еще должен выслушивать всякий бред...» И ты имеешь на это полное право.

– Знаешь, что я думаю? – проговорил Алекс. – Ты самая прекрасная, добрая, удивительная и соблазнительная женщина в мире. И твой муж просто осел, круглый дурак, если не видит этого.

Он подошел к ней и, приобняв за поникшие плечи, заглянул в расширенные зрачки, в которых замерли удивление и испуг.

Ее холодные ладони уперлись в его грудь.

– Отпусти меня, – произнесла она тихо и твердо.

Алекс повиновался. Только теперь он ощутил, какая внутренняя сила скрывается в этой женщине. Сила, дающая ей способность сносить удары судьбы с высоко поднятой головой и улыбкой на закушенных до крови губах. Быть может, именно эта сила и притягивала Алекса. Он не мог противостоять ей.

– Я не собираюсь заводить курортный роман. Не трать времени понапрасну.

– Для меня это гораздо больше, чем курортный роман. Пожалуйста, поверь!

– Зачем?

– Я хочу, я смогу сделать тебя счастливой!

– На неделю? – Она усмехнулась. – Нет, спасибо. Забудь. Уходи.

– Ты уверена?

– Конечно. Спокойной ночи, Алекс. И... извини еще раз. Я не должна была рассказывать тебе все это.

– Ты не должна страдать, – проговорил он, покачав головой. – Ты этого не заслуживаешь. Я бы этого не допустил. Никогда.

– До свидания, Алекс, – настойчиво повторила женщина.

– До свидания, Надежда...

Он спрыгнул вниз и пошел прочь, собрав все силы, чтобы не оглянуться. В конце концов, он мужчина, а не какое-то фуфло.

Уже за полночь он пришел в «Кокос», где через пару минут за кружкой пива познакомился с сексуальной рыжеволосой красоткой из Германии из соседнего отеля. Обменявшись несколькими фразами и немного потанцевав, они без лишних хлопот удалились в номер. Без одежды девушка выглядела еще лучше: пышные бедра, упругий живот, высокая грудь с острыми сосками...

Лучи восходящего солнца упали на развороченную постель. Девушка потянулась довольно и сладко, как сытая кошка. Промурлыкала кокетливо:

– Милый, ты меня любишь?

Почему все эти приезжие девки, независимо от стран и национальностей, обожают задавать один и тот же дурацкий вопрос? Будто сговариваются.

«Конечно, детка», – следуя правилам игры, всегда отвечал Алекс. Трудно, что ли?

– Милый, почему ты молчишь?

«Пошла к черту, идиотка!»

– Мне пора, – сказал он, натягивая мятую рубашку. – Скоро на работу.

Алекс все же заскочил домой переодеться. Тихо, чтобы не разбудить родителей, прокрался мимо их спальни, из которой доносилось мерное похрапывание отца, в свою комнату. На стареньком телефонном аппарате белела укоризненным бельмом криво прилипшая бумажка. Твердые размашистые буквы, столь же строгие и безапелляционные, как и набросавший их отец, складываясь в слова, напоминали о существовании в жизни Алекса иной женщины, единственной, с которой ему предстояло связать судьбу.

«Было бы неплохо, если бы ты иногда ночевал дома», – гласило послание. Это было плохим знаком. У отца не было склонности к писательской деятельности, и, если уж он выбрал подобную форму общения, значит, Алекс и впрямь где-то перегнул палку. Но сейчас ему не хотелось думать ни об отцовском гневе, ни тем более о неотвратимом приближении давно маячившего на его горизонте призрачным парусом грядущего супружества.

– Идите вы все к черту, – процедил сквозь зубы Алекс и, отодрав бумажку от телефона, скомкал и швырнул за диван.

Мрачный Али ковырялся в стойке с напитками.

– Представляешь, всего на пять минут отлучился – и пропали три бутылки водки! И какая сволочь пьет водку с утра? При немцах такого не было... А тебя вчера вечером где носило? Босс был злой как собака.

Алекс молчал как глухонемой. Раздражение на лице друга сменилось плохо скрываемым любопытством.

– Неужто со своей недотрогой поладил?

Получив отрицательный ответ, Али разочарованно вздохнул:

– Ну, это вовсе не простительно. Смотреться с работы, навлечь на свою задницу гнев руководства, ни хрена не получив взамен. Теряешь квалификацию, друг мой. Кто же вам помешал на сей раз? Мифический муж?

– Отвали, а?

- Ладно. – Поджав губы, бармен с невозмутимым видом принялся протирать бокал.
- На нем дыра скоро будет, – сказал Алекс.
- Чистота – залог успеха, – парировал Али. – Морочь голову девчонкам, а не мне.

Алекс ударил кулаком по столу так, что звякнули ложечки, а Али от неожиданности едва не выронил бокал.

- Спятил?! – возмутился бармен.
- Она все время думает о нем, понимаешь? А я – только о ней, черт бы ее побрал...

Может, я и впрямь свихнулся?

- Перестань! Тебе просто надо переключиться. Найди девочку погорячее...

– «Просто». Послушать, так все так просто... Только отчего бывает тошно, хоть в петлю лезь? Сегодня ночью я так и сделал.

- Ну и что?

- Дерьмово. Трахаешь одну – думаешь о другой. Чувствуешь себя извращенцем.

– М-да... Тяжелый случай... – Али задумчиво почесал себя за ухом соломинкой для коктейля. – У меня было нечто подобное. В далеком детстве. В шестнадцать или семнадцать... Та девчонка жила по соседству. Каждое утро мы ходили в школу. По одной дороге. Помню, у девчонки в волосах был огромный белый бант... Я тащился позади, тарасился на этот бант и умирал от желания заговорить... Но так и не решился...

Прошу вас, мадам... – Бармен протянул мороженое подошедшей тетке, обремененной тремя подбородками и двумя кудрявыми близняшками, затеявшими возню около стойки и не обращавшими ни малейшего внимания на материнские оклики.

– Ну и чем все закончилось? – поинтересовался Алекс, когда перепачканная мороженым дружная семейка удалилась в направлении бассейна.

– Да ничем... – разведя руками, вздохнул бармен. – Ее выдали замуж, даже не дожидаясь окончания школы. За богатого хрыча, лет на тридцать старше. Они укатили в Стамбул. Мы случайно встретились через четыре года. У нее уже было трое детей. Я с трудом ее узнал. Поверишь, ее задница стала размером с эту стойку! Она перекрасилась в блондинку и, можешь представить, завязала такой же огромный белый бант... В жизни не видел более отвратительного зрелища. – Али шумно вздохнул. – Но тогда, в шестнадцать—семнадцать, она казалась мне совершенством... Так-то, старик... Время – лучший лекарь. И самый безжалостный... Скоро твоя русская мадам уедет, и все забудется, словно и не было вовсе.

– Наверно, ты прав, – усмехнулся Алекс. – Но почему-то у меня такое чувство, что, проводив ее, я потеряю что-то очень важное в жизни...

- Надеюсь, не работу, – озабоченно заметил Али.

- Не каркай, – попросил Алекс. – Мне и так с утра весело... Мой старик меня достает.

- А ты думал, он век будет тебя тянуть?

– Тебе хорошо рассуждать, – возразил Алекс, – У тебя братьев-сестер чертова куча. Всех пилить – язык устанет. Пока до тебя очередь дойдет...

– Угу, – мотнул головой Али. – И от такой хорошей жизни я снимаю свой клоповник, выкидываю каждый месяц по двести марок и сам себе стираю и глажу эти проклятые рубахи. Нет, друг мой, что-то одно: или свобода и независимость, или родительское крылышко. Выбирай. А чтобы на кактус сесть и задницу не наколоть – такого не бывает.

Худшие опасения друга подтвердились. Через час появился сияющий, как свежечыщенный башмак, Мустафа и объявил, что босс вызывает Алекса «на ковер».

- Накаркал, – с досадой заметил тот, проходя мимо бара.

– Нет, вы только послушайте! – воздел руки к небу Али. – Я целую неделю пытаюсь вразумить этого отрока, и вот она – черная неблагодарность! – Но, разглядев крайнюю оза-

боченность на лице друга, посерьезнел: – Может, обойдется. Скажи, что у тебя, например, живот скрутило...

– Ну да. И два часа до окончания рабочего дня я провел в сортире, – хмыкнул Алекс. – Спасибо за совет. Но я уж сам как-нибудь выкручусь.

Между деревьев мелькнула злорадная физиономия Мустафы Офенди.

Всякий раз, приближаясь к кабинету управляющего, Алекс, помимо воли, ощущал предательскую слабость в коленях.

– У себя? – спросил он шепотом у томной секретарши Фериде, с озабоченным видом перебиравшей какие-то бумажки, и, получив утвердительный ответ, приоткрыл дверь, протискиваясь в щель.

– Господин Касли, вы меня вызывали?

В святая святых не было ничего, что могло бы, даже случайно, отвлечь внимание посетителя от цели визита, а хозяина – от неусыпной заботы о благе и процветании отеля. Исключение могли составить большой фикус в деревянной кадке на полу да эстамп на стене, выразительный, как глаза дохлого окуня. Все же остальное, чему дозволялось служить гостиничному бизнесу – громадный письменный стол и строгие шкафы из тяжеловесного дуба, пара стульев и ручной работы ковер на полу, сглатывающий шум шагов, – являло причудливую смесь аскетизма и респектабельности.

Господин Касли сидел за столом. Когда Алекс робко постучал, управляющий еще пару минут не поднимал глаз от компьютера, а затем погасил экран, отодвинул ошестинившуюся карандашницу и пробурчал посетителя цепким, не предвещавшим ничего хорошего, взглядом.

– Войди и закрой дверь.

Алекс повиновался, чувствуя, как холодные капли проступают на лбу и висках.

– Почему вчера вечером ты отсутствовал на работе?

Алекс принялся невнятно бормотать слова оправдания, но управляющий остановил его пренебрежительным жестом.

– До недавнего времени мне нравилось, как ты работаешь, Аванди. Твое обращение с клиентами, твоя энергия, честолюбие и даже некоторая беспринципность, допустимая в бизнесе. И теперь мне хочется услышать, куда это все подевалось? За что я тебя едва не выделил, назначив старшим?

Алекс молча разглядывал выбитые ромбики на черном шелковом, явно не местного производства, галстуке шефа.

– За последнюю неделю сумма сделанных тобою заказов уменьшилась на треть. Два дня назад ты допустил ошибку в отчете. Я уже не говорю, что твой внешний вид оставляет желать лучшего. Ты болен?

– Нет, господин Касли. – Алекс изо всех сил старался держаться достойно, но остатки его равновесия таяли, как кубики льда в бокале сока.

– Может быть, ты слишком много возомнил о себе? Позволь напомнить старую мудрость: кто высоко вознесся, тому больнее падать.

– Да, господин Касли.

– Ты в состоянии дать вразумительное объяснение, оправдывающее подобное поведение?

– Нет, господин Касли.

– Отлично, – бесстрастно произнес управляющий. – А теперь скажи, ты помнишь о неписаном правиле отеля, согласно которому отношения персонала с клиентами могут быть деловыми, и никакими иначе?

– Да, господин Касли.

– И что ты думаешь об этом пункте?

Алекс подавленно молчал, ощущая, как вопреки кондиционированному холоду его предательски бросает в жар.

– Молчание практически всегда означает несогласие. Ты возражаешь против данного правила?

– Нет...

– Прекрасно. – На сухом лице управляющего заиграла мефистофельская улыбка. – Завтра, как обычно, ровно в семь ноль-ноль, ты выйдешь на работу. А Мустафа Офенди напомним тебе об обязанностях. Все понятно?

– Да, господин Касли, – убитым голосом вымолвил Алекс. Если бы босс хватил его кувалдой по лбу, он бы чувствовал себя, как минимум, не хуже.

На мгновение маска непроницаемости на лице босса чуть сдвинулась, и в нем мелькнуло нечто человеческое, отдаленно напоминающее участие.

– Эта женщина не для тебя, Селами. Она – высший класс, настоящая леди. И пока ты ничего из себя не представляешь, для таких, как она, ты всегда будешь лишь обслугой. Это не твой уровень. Занимайся-ка по-прежнему студентками, их ты сумеешь охмурить своим смазливym личиком. Но... – Лицо шефа вновь стало каменным. Он предостерегающе поднял указательный палец. – Только в нерабочее время. Ступай. – Он нажал кнопку связи с секретарем. – Фериде, подготовь приказ о назначении Офенди на должность старшего с соответствующей прибавкой... Да, и полей цветок в моем кабинете.

Ровно в семь ноль-ноль Алекс протирал столы в ресторане. По свежевывытому холлу с хозяйским видом прохаживался новоиспеченный «старший» – Мустафа Офенди. Завидев Алекса, он расплылся в счастливой улыбке.

– Как дела?

– Прекрасно, – сухо ответил Алекс.

– Будет еще лучше, – пообещал старший. – Возьми шланг и вымой территорию перед воротами.

– С какой стати? – возмутился Алекс. – Это не входит в мои обязанности.

– Очень хорошо, – скривил губы Мустафа. – Я доложу боссу, что ты отказываешься от работы.

– Валяй, беги докладывай, – презрительно бросил Алекс. – Больше ты ничего не умеешь.

– А ты-то что умеешь? – Глаза Мустафы презрительно сузились. – И должность просрал, и девку не поимел. Ты – неудачник, Аванди. Жалкий неудачник. Твоя карьера закончилась даже не начавшись.

Алекс молча развернулся и вышел во двор. Он и впрямь ощущал себя раздавленным. Не хотелось ни спорить, ни даже огрызаться. Он нашел шланг, открыл воду. Старший следовал за ним по пятам, упиваясь победой.

– Газон тоже полей. Эй! Ты что делаешь?! – завопил он, отскакивая в сторону. – Куда льешь?! Насквозь меня вымочил, урод!

– Извини, – с покаянным видом произнес Алекс, – я нечаянно. Отсутствие практики. Мне очень жаль... – И прикусил нижнюю губу, чтобы не расхохотаться.

– Ничего тебе не жаль! Ты нарочно это сделал! Я все доложу боссу, будешь с утра до ночи практиковаться!

Изрыгая проклятия, Мустафа скрылся в отеле, а Алекс, наконец, усмехнулся. Впервые за последние дни он испытывал мрачное удовлетворение.

Блестя отполированными боками, к воротам подкатил черный «БМВ» управляющего. «И этого черт принес с утра пораньше. Вот поперло так поперло...»

– Доброе утро, господин Касли.

Взгляд босса был столь же выразителен, как если бы предназначался одной из пальм, растущих при входе.

– А, это ты... Протри машину. Щетка в багажнике, – на ходу обронил господин Касли, бросая Алексу ключи.

«И чего тут тереть? И так словно зеркало. Хоть брейся. Чтоб ты перевернулся в ней со своей очередной шлюхой, чистоплюй несчастный...»

Тоскливо вода щеткой по лакированному боку, Алекс размышлял о превратностях судьбы и о том, насколько прав Мустафа, назвав его неудачником. И еще всерьез задумался, что надо бы заплатить одному из мальчишек, постоянно крутящихся возле отелей в поисках приработка. Пусть нацарапает на сверкающем бээмвушном капоте что-нибудь эдакое... Для души.

Черное стекло бесстрастно отразило точеную женскую фигурку, возникшую в дверях. Вздогнув, как от резкого оклика, Алекс обернулся.

Свежая, как утренний кофе, величественная, как английская леди, по ступенькам спускалась Надежда. Во всем ее облике – чайно-розовом, тончайшего шелка, струящемся платье, кокетливой шляпке, остроносых туфельках и сумочке, крохотной, как пудреница, – ощущался светский шик, торжество изящества и элегантной простоты. Ее спутник, господин Касли, шел рядом, что-то рассказывая. Она кивала, сдержанно улыбаясь.

Рука Алекса продолжала механическое движение по оконному стеклу. Дойдя до машины, Надежда на мгновение застыла в замешательстве.

– Мадам, сегодня вы прекрасны, как никогда. – Алекс улыбнулся сквозь боль, вновь ощутив невидимую, но острую грань, отделявшую его от этой женщины.

– Спасибо. – Она быстро отвела взгляд, и Алекс не успел прочесть, что в нем таилось: сочувствие, презрение, насмешка?

Стоя на дороге, Алекс смотрел вслед быстро удалявшемуся автомобилю.

– Сука, – сказал он вслед, но не почувствовал облегчения. Ему показалось, что, обругав ее, он оскорбил себя.

В холле отеля томная красotka Фериде, недовольно поджав губки, судачила с девушкой-горничной.

– Конечно, – донеслось до Алекса, – в таком наряде любая королевой станет. А тут таскаешь изо дня в день эту униформу... – Она раздраженно одернула белую оборчатую блузку.

– И не говори, – закивала горничная.

Алекс прошел было мимо, когда его окликнул сучавший на рецепции Осман:

– Эй, Селами, что такой мрачный?

– Наоборот, – возразил Алекс, – я безумно доволен. Не каждый день получаешь понижение.

– У тебя неважный вид, – сочувственно поддакнула горничная. – Тебе надо обратиться к врачу.

– Или выспаться как следует, – заметила Фериде. – Болтаетесь все ночи напролет по кабакам. Удивительно, как вас еще ноги держат.

– Ты это патрону своему скажи, – не выдержал Алекс. – Ему о душе думать пора, а все туда же.

– Между прочим, он вовсе не старый, – неожиданно вступилась за босса Фериде, – и не виноват, что эти приезжие потаскушки сами на него вешаются.

– Ты выбирай выражения, – вспыхнул Алекс, перед глазами которого с необыкновенной ясностью всплыла недавняя картинка: воздушно-грациозная Надежда под руку с отвратительным господином Касли.

– Жене своей будешь указывать, – возмущенно парировала Фериде. – А я буду говорить то, что считаю нужным. Понаедут всякие проститутки, работать мешают.

И гордо удалилась, с достоинством покачивая бедрами, затянутыми в узкую черную юбку.

– Надо же! – фыркнул Осман. – Тайная неразделенная страсть к патрону. Красавица и чудовище – почти голливудский сюжет.

– Заткнись ты, – бросил Алекс, не выносивший сплетен, особенно из мужских уст. – Сиди раздавай свои ключи.

– Босса не видел? – завидев друга, озаботился Али.

– Видел. Сегодня утром. Он укатил с очаровательной блондинкой по имени Надежда.

– Ну да?! – присвистнул Али. – Шалава.

– Не говори о ней так, – вскинулся Алекс.

– Ладно, ладно, – примирительно поднял ладони Али. – Впрочем, все это лишь подтверждает мой тезис о женской продажности. Просто у каждой своя цена. Потому я и не женюсь. Впрочем, во всем нужно искать положительную сторону: проблема разрешилась. Вот приедет ее новый русский муженек – бритоголовый, в золотых цепях – и отстрелит яйца боссу, а не тебе.

– Снова импортных фильмов насмотрелся? – угрюмо съязвил Алекс.

– При чем здесь фильмы? – обиделся бармен. – Прогуляйся в любую «пятерку», увидишь, какие рожи туда приезжают...

– Эй, мальчики, здесь кто-нибудь понимает по-русски?

Сногсшибательная полуодетая блондинка держала в длинных, увенчанных пятисантиметровыми ногтями пальцев сигарету.

– Огонька не найдется?

В руке Али, как у заправского фокусника, мгновенно появилась зажигалка.

– Вот это куколка! – прошептал он восхищенно, толкая друга в бок. – Что она говорит?

– Что ты ей понравился.

– Переведи, что она мне тоже!

– Сам скажи.

– Засранец ты! – воскликнул Али. – Знаешь же, что я в русском ни бельмеса!

– Учи, – невозмутимо пожал плечами Алекс. – Что мне, свечку вам держать? К тому же, по неписаному правилу отеля, отношения персонала с клиентами должны быть исключительно деловыми, и никакими иначе. Впрочем... для настоящей страсти не существует границ. В том числе и языковых. Удачи!

Алекс одарил красотку мрачной улыбкой и, развернувшись на каблуках, пошел прочь, оставив за спиной негодующее:

– Друг называется... Свинья!

Вечером ни Надежда, ни босс не появились. Персонал ловил кайф. Отсутствие шефа воспринималось как подарок судьбы. Когда очередной официант, безо всякой задней мысли, во всеуслышание объявил «большое спасибо русской мадам за доброту», Алекс снова взорвался:

– Языком не трепи!

– Ты что, Селами, сбрендил? Отпусти, задушишь! – Обалдевший коллега с трудом высвободил ворот из его рук. – Ну вот, галстук помял, придурок...

- Проблемы? – подскочил Мустафа. В прищуренных глазах – нехорошие огоньки.
- Пошел ты! – рывкнул Алекс.

Как ни странно, тот и впрямь пошел. Видимо справедливо решив, что должность должностью, а здоровье дороже. Все знали, что, если Алекса как следует завести, он может «соскочить с тормозов», и уж тогда – кто не спрятался... Характер у Алекса и впрямь был не из легких плюс взрывной темперамент, Реальное влияние на него имели только господин Касли и Али. Первого он уважал и боялся, со вторым дружил. Остальных лишь терпел по необходимости. Это не прибавляло Алексу любви среди коллег, но ему было на то глубоко начхать.

Алекс механически обслуживал посетителей, стараясь не думать о том, что *они* сейчас вместе и им, возможно, хорошо. Но, как он ни старался, он все равно думал только об этом, приходя в состояние полной апатии.

«Богатая избалованная лживая сучка... За каким хреном было вчера плести душеспательную историю? Сказала бы сразу: «Я трахаюсь с денежными мешками...»

- Простите! – Он налетел на пожилого немца, сочувственно закивавшего.
- Как дела, Алекс?

Дежурный вопрос, требующий столь же банального ответа. Алекс вспомнил, что обслуживал как-то этого немца в целой компании, весь вечер травил анекдоты и получил весьма щедрые по немецким меркам чаевые.

- Все в порядке.
- Гут, – удовлетворенно мотнул головой немец, прошествовав за столик.

Ему, как и любому другому, не было ни малейшего дела до проблем парнишки-официанта. Обыкновенная формальная вежливость.

Мысли оборвались, и сердце, внезапно остановившись, забилося вновь так часто, словно старалось установить рекорд. В простой светлой футболке и коротеньких шортах, в ресторане появилась Надежда. При виде ее спокойного, безмятежного личика буря обиды и негодования поднялась в душе Алекса с новой силой. Он подошел к ней, зная, что совершает ошибку, что сейчас скажет или сделает отчаянную глупость, но не мог не подойти, не сказать, не сделать ничего.

- Что будешь пить? Как всегда?
- Да, пожалуй.
- Твой новый поклонник не покормил тебя? На него не похоже. Обычно он достаточно щедр со своими подружками.

– Кто дал тебе право разговаривать в подобном тоне? – Ее глаза прищурились и гневно потемнели.

- Прошу прощения, мадам. – Алекс склонился в ерническом полупоклоне.
- Принеси мой заказ, – холодно произнесла Надежда. Тонкие ноздри яростно дрогнули.

Ни дать ни взять – породистая лошадка. Настоящая леди, черт бы ее побрал... А он, как изволил подметить деликатный босс, всего лишь обслуга...

– Пожалуйста... – Алекс поставил на стол бокал «Medok». – Прошу вас, мадам... Ведь так следует обращаться к подружке шефа? А как же муж? Все еще очень занят?

Женщина напряглась. Алекс, как никто другой, сознавал, что переходит рамки дозволенного. Он кожей ощутил исходящую от нее холодную ярость. Но держалась Надежда превосходно. Высший класс... Он не мог не отметить этого, и в глубине души, несмотря ни на что, восхищался ее силой и самообладанием. И продолжал желать ее по-прежнему. Нет, даже сильнее... И презирал, и ненавидел себя за эту слабость.

- Она предостерегающе подняла руку:
- Ни слова больше...
- А что? Что ты сделаешь? Побежишь жаловаться боссу?

Она с вызовом поставила на стол острые локотки.

– Сама справлюсь.

– Вы дадите мне пощечину, леди?

Надежда поднялась. Они были почти одного роста. Глаза в глаза. А губы – совсем близко... Они приоткрывались в такт произносимым словам, шевелились, подобно розовым лепесткам на ленивом вечернем ветру...

– Я не бью людей по лицу. Это не в моих правилах. А вот ниже пояса – иногда приходится.

Прежде чем он успел сообразить, она опрокинула ему на брюки тарелку с разношерстными салатами, туда же выплеснула «Medok» и бросила скомканную салфетку.

– Спасибо за вкусный ужин.

Распрямив плечи, вскинув остренький подбородок, Надежда, не прибавляя шага, спокойно вышла из ресторана. Будто ничего не произошло. Персонал и посетители проводили ее удивленными взглядами, а затем раздался гомерический хохот. Официанты ржали, как целый табун жеребцов. Кто-то протянул Алексу чистую салфетку.

– Молодец, девчонка! – выкрикнул подгулявший русский за соседним столиком. – Знай свое место, бой!

– Слушай, – сказал Алекс, подходя к барной стойке, за которой Али тщетно пытался не поддаваться всеобщему веселью. – Помнишь, ты говорил, что в ней нет огня? Кажется, ты опять ошибся.

Было около полуночи, когда Алекс пришел на пляж. Ничто лучше морского прибоя не могло помочь прийти в себя, привести в порядок мысли. Он не представлял, как люди живут там, где нет моря. Большие, тесные, пыльные города, где за домами не видно неба, а по ночам вместо звезд горят неоновые фонари, представлялись ему воплотившимся кошмаром, а жизнь обитателей – вечной борьбой за кусок места под солнцем, которого нет.

Надежда... Женщина с именем-мечтой, тащившая за острыми плечами призрак холодного, жестокого, алчного мегаполиса. Усталая, надломленная, самолюбивая... Быть может, он сумел бы пробудить огонь, гаснущий в ее душе. А возможно, выпави этот шанс, они так и не сумели бы понять друг друга... Ведь в ее душе больше дождей, холодных туманов и невыносимо долгой зимы, чем солнца, моря и зеленого лета... Идиот. Как он мог оскорблять ее, какое имел право?

«Знай свое место, бой».

Он прав, этот русский. Настоящий мужчина никогда не опустится до мерзкой, унижительной роли отвергнутого воздыхателя. Так сказал бы отец.

Сидя в дальнем, темном уголке пляжа, Алекс курил, глядя на висевшие над головой звезды, яркие, как неоновые огни.

Легкие шаги. Кто-то решил разрушить безмолвие ночи. Тоненькая женская фигурка почти бесшумно двигалась по песку. Алекс загасил сигарету и замер. Она. Одна.

Надежда бросила полотенце на лежак, скинула пляжный костюм. Что-то ей не понравилось. Беспокойно передернув плечами, поглядев по сторонам и никого не обнаружив, она сняла верх, принялась возиться с застежкой. Алекс застыл, не в силах ни пошевелиться, ни отвести взгляда. В неясном свете он видел небольшую, девически упругую, жемчужной белизны грудь. Во рту пересохло. Словно озабоченный тинейджер, он замороженно смотрел, как она надевает лиф, заходит в воду, плывет, сильно рассекая волны, точно большая серебристая рыба. Как после выходит на берег, осторожно ступая по гальке...

Внезапно она вскрикнула, присела на корточки, обхватив ступню. Мокрые волосы рассыпались по плечам. И вдруг, закрыв лицо руками, уверившись, что ее не услышат, заплакала, по-детски всхлипывая. Позабыв обо всем, Алекс бросился к ней.

– Надежда, что случилось? – Он опустился возле нее на колени.

Женщина вздрогнула:

– Ты напугал меня! Что тебе нужно? Убирайся!

В глазах все еще блестели слезы, но она уже стала прежней: колючей, независимой, готовой отразить любое посягательство на ее гордое одиночество.

– Прости меня, – сказал он, кусая губы. – За сегодняшнее. Не понимаю, что на меня нашло. Клянусь, я не могу думать о тебе плохо. Ну, как мне заслужить прощение? Хочешь, принесу еще вина и салата?

Женщина, не сдержавшись, фыркнула.

– Мне следовало помнить, что я в мусульманской стране. Шаг влево – четвертование, вправо – расстрел. Вот только вынуждена тебя огорчить: ваш симпатичный и обходительный шеф всего лишь подбросил меня до Анталии. И оставил наедине с витринами магазинов и бойкими зазывалами. Хоть какое-то разнообразие на отдыхе... – Она победно вскинула голову. – Тебе должно быть стыдно.

– Мне очень стыдно, – признался Алекс. – Что с твоей ногой?

– Пустяки. Острый камень.

– Дай взгляну... – Он осторожно коснулся гладких ухоженных пальцев, вновь ощутив изнутри прилив горячей волны. – А ты не похожа на женщину, которая плачет от пустяка.

– Вовсе я не плакала... – Она упрямо закусил губу. – И вообще, это не твое дело. Почему ты все время шпионишь за мной? Давно ты здесь?

– Достаточно...

Она вскинула ресницы, напоминаявшие подмокшие крылышки ночной бабочки.

– Чтобы снова убедиться: ты – самая прекрасная, желанная и недостижимая женщина на свете. И я не могу выбросить тебя из головы так же, как завязать глаза... Ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Не знаю... – пробормотала она изумленно. – Может быть... Почему ты спрашиваешь?

– А ты не понимаешь? – Алекс взял Надежду за руку. – Я люблю тебя.

Теперь он был уверен в горькой правоте этих слов.

– О, – выдохнула она. Брови изумленно надломились, глаза распахнулись, на бледные скулы напал яркий румянец. Она поспешно высвободила ладонь из его пальцев. – Что ты болтаешь? Перестань! Мне не нужен курортный роман. Поищи кого-нибудь другого. Вокруг полно хорошеньких девочек!

– Черт возьми, мне не нужна ни одна из них с тех пор, как появилась ты! Я знаю: это звучит нелепо, неправдоподобно, но это так! Там, в ресторане у бассейна, в твой первый вечер... Хочешь, я опишу, во что ты была одета? Каждый твой жест, слово, запах духов, такой тяжеловатый, будто шлейф... Помнишь, ты спросила, не слежу ли я за тобой? Я и вправду не сводил с тебя глаз... Пожалуйста, поверь мне...

Он, приобняв Надежду за плечи, заглянул в расширенные зрачки, в которых замерли удивление и испуг.

– Отпусти. – Она попыталась освободиться. – Так не бывает. Ты спятил!

– Я и сам всю жизнь считал, что подобное не может случиться со мной. С кем угодно, только не со мной. Но я действительно спятил. Я схожу с ума. По тебе... И не знаю, что мне делать...

– Бред какой-то... – Надежда растерянно огляделась по сторонам. – Не понимаю, почему я до сих пор здесь и слушаю все это...

– Может быть, потому, – он заглянул прямо в ее расширенные зрачки, голос сорвался на хриплый полусшепот, – что я тебе тоже небезразличен...

Прежде чем она успела ответить, Алекс сделал то, чего безумно желал все эти дни: поцеловал женщину в полуоткрытые губы.

– Нет... – прошептала она как-то неуверенно, – не надо... Перестань...

Алекс вновь поцеловал ее жадно, страстно. Ломая слабое сопротивление ее ладоней, он пьянел от прикосновения к влажной коже, податливой и нежной, как лепесток жасмина...

Громкий смех и нестройные голоса прорезали тишину. На пляж ввалилась подгулявшая компания. Стаскивая одежду, веселые ребята с визгом и хохотом шумно плюхались в воду. Потревоженная чайка, тяжело хлопая крыльями, с дикими воплями умчалась прочь.

Надежда вскочила.

– Пожалуйста, – прошептала она, тяжело дыша, – не приближайся больше ко мне. Никогда...

Ее светлое платье растворилось в ночи. Алекс так и остался сидеть, просеивая сквозь пальцы полувлажный песок, который, казалось, впитал горьковатый запах... Впервые он жалел, что в этом заезде слишком много россиян. Дисциплинированные немцы в это время суток видели десятый сон, а не шатались по берегу. На лежаке что-то белело. Алекс протянул руку, нащупал забытое полотенце, зачем-то поднес к лицу. Но мягкая ткань уже впитала пластмассовый холод. Он забросил полотенце на плечо и, пошатываясь как хмельной, медленно побрел к отелю. Проходя мимо закрытого бара, остановился, нащупал в кармане запасной ключ, доверенный ему другом, и, минуту поколебавшись, отомкнул замок. Крепкие напитки стояли на отдельной полке. Обычно он брал пиво, но сейчас хотелось просто надраться. Впервые в жизни. Забыться и не думать о том, что еще несколько минут назад казалось таким возможным...

Коньяк, джин, ракия, виски, водка... Веселая компания на пляже. Интересно, почему русские так любят водку? Алекс взял бутылку с красной наклейкой, повертел, свернул блестящую головку, плеснул прозрачную жидкость в первый попавшийся под руку пузатый винный бокал и залпом, на одном дыхании, опрокинул в горло.

Самым сложным оказалось удержаться на ногах в первую минуту, когда весь мир вокруг качнулся и поплыл неведомо куда. Но, посидев на земле, обретя утраченное равновесие, Алекс нащупал мягкую ткань, и все вдруг стало простым и понятным, как стакан минералки.

Нетвердой походкой Алекс подошел к большому балкону номера люкс. Через задернутые портьеры пробивался красноватый ночной свет.

– Надежда! – позвал он. – Надежда!

Молчание.

– Надежда! – выкрикнул он громче, дополнительно пьянея от собственного безрассудства.

Дверь приоткрылась.

– Что тебе нужно? – прошептала она испуганно. – Уходи.

– Ты забыла полотенце. Я его принес.

– Спасибо. Забрось на балкон.

– Выйди и возьми. Чего ты боишься?

– Ничего я не боюсь. Давай сюда. – Она появилась уже в черном шелковом пеньюаре, делавшем ее кожу еще белее. Протянула руку, чуть склонившись вперед. В глубоком вырезе мелькнула обнаженная грудь. Поймав туманный и жадный мужской взгляд, Надежда закуталась в пенное кружево.

– Надежда, – горячо зашептал Алекс, пытаясь удержать ее за рукав, – постой, послушай меня...

– Я же сказала: оставь меня в покое.

– Нет, подожди, позволь мне остаться... Тебе это надо так же, как и мне... Ты ведь хочешь этого, я знаю, Надежда! – Он заговорил в полный голос.

На соседних балконах послышалось оживление.

– Да как ты смеешь... Ты что, пьян? – Она тоже повысила голос. – Что ты возомнил? Ступай проспись!

– Да, я пьян! – заорал он, распаяясь. – А ты глупа! Все еще думаешь, что твой муж придет? Черта с два! Сейчас он развлекается с какой-нибудь девкой! Он не любит тебя! А я люблю! Никто не будет любить тебя, как я!

– Убирайся или я вызову полицию!

– Вызывай! Мне наплевать! Я и в полиции повторю то же самое: я люблю тебя, а твой муж – кусок дерьма!

– Ты придурок! Сопляк, мальчишка! Я вызываю охрану! – крикнула Надежда, скрываясь в номере.

На соседних балконах началось живое обсуждение. По-немецки и по-английски – удивленное, по-русски – заинтересованное.

– Лучше сматывайся, пока она ментам не позвонила, – посоветовали справа.

– Не позвонит, – возразили слева. – Это она поначалу, для понта ломается. Как все бабы.

– А ты залезь, – сказали сверху.

Алекс перемахнул через балконную ограду, забарабанил в балконную дверь.

Двойное стекло, разделявшее их, было слишком зыбкой преградой. Более тонкой, нежели шелк пеньюара. Алекс ощущал легкое дыхание женщины, туманной дымкой отражавшееся на голубоватой, как лед, поверхности... Внезапно буйство улеглось. Алекс сделал шаг в сторону, закурил, прислонившись спиной к стене, показавшейся холодной, как январская полночь. Дверь тихо скрипнула. Надежда появилась в темном проеме. На ней было платье оттенка лунного дождя, почему-то придававшее ее фигурке трогательную незащищенность. Алекс молча смотрел на нее. Сейчас ему хотелось одного: находиться рядом с ней и ждать... Малейшего полупапека, полувзгляда... Этого было бы достаточно. Но она должна подать этот знак. Сама. Иначе все не имело смысла...

– Алекс... – Она нарушила тишину, и в ее голосе не было ярости. Скорее мольба. – Пожалуйста, я тебя очень прошу, уходи...

– Прости меня, – сказал он. – Я действительно просто спятил, когда решил, что ты и я... Прости. Я ухожу.

– Можешь пройти через номер.

Он вопросительно взглянул на нее, переступил порог. Легкий запах духов. Увядшие цветы в причудливой вазе. Раскинутая постель... Женщина оказала ему доверие, позволив на полшага приблизиться к невидимой грани, за которой стираются условности. Но не более. И он не смел воспользоваться этим доверием. Если это и была игра, то слишком хрупкая и красивая, чтобы грубо разрушить ее правила. Алекс бросил прощальный взгляд на фигурку в светлом платье, замершую около окна.

– Женская слабость – страшная сила, не так ли?

И быстро, боясь задержаться и на секунду, вышел, плотно затворив за собой дверь. Он чувствовал себя марафонцем, сошедшим с дистанции перед самым финишем. Переводя дыхание, он прислонился пылающим лбом и влажными ладонями к каменной стене, но она еще не успела остыть после знойного дня и не приносила вождеденной прохлады.

– Дурак... – с досадой обронили сверху.

В темном баре, действуя по наитию, подобно алхимику, Алекс смешивал разнородные жидкости в бокале. Он не мог понять, что руководило им, когда его рука откупоривала тот или иной сосуд. И не знал, сумеет ли воспроизвести это еще раз. Закрыв глаза, он поднес к губам полученный напиток и на мгновение вновь ощутил дурманящий вкус ее губ...

На следующий день Алекс был уволен. Он выслушал свой приговор с молчаливой отрешенностью, вздрогнув лишь однажды, при словах «сексуальные домогательства».

– Ну и какую причину твоего увольнения указать? – язвительно поинтересовался господин Касли. – Может быть, сжалиться над твоей глупой башкой и подвести под профнепригодность?

Алекс молчал, полируя опустошенным взглядом карандашницу.

– Черт возьми! – вскипел вдруг обычно невозмутимый управляющий, ударив кулаком по столу так, что задребезжал факсовый аппарат. – Ты принимаешь наркотики?

– Что?!

– Я просто не могу найти логического объяснения твоему внезапному превращению. Лучший работник, студент... Всего за неделю... Черт знает что такое...

Управляющий потер наморщенный лоб, и Алекс вдруг увидел перед собой вместо грозного босса немолодого, бесконечно усталого человека.

– Если я сообщу о твоей пьяной выходке в институт, тебя тотчас отчислят.

– Но вы этого не сделаете?

– Почему ты так считаешь?

– Мне так кажется.

– «Кажется»... – проворчал господин Касли. – Ты хотя бы понимаешь, что, если твоя русская красавица обратится в полицию, тебе светит три года тюрьмы? Я уж не говорю о подмоченной репутации отеля...

– Извините, что разочаровал вас, – тихо сказал Алекс. – Мне правда очень жаль...

– Вот, – управляющий протянул Алексу чистый бумажный лист. – Пиши «по собственному желанию», и чтобы духу твоего здесь не было.

– Спасибо, – прошептал Алекс. Менее всего он ожидал подобной милости от бывшего босса. Ему вдруг до щекотки в горле захотелось поблагодарить господина Касли, но все приходящие на ум слова прозвучали бы дешевым подхалимажем. Примостившись на подоконнике, Алекс набросал корявые строки заявления и молча отдал его управляющему.

– Проваливай, – сказал господин Касли.

– До свидания, – отозвался Алекс и старательно закрыл за собой массивную дверь.

В тот вечер Алекс испытывал смешанные чувства, подходя к воротам «Гардена». Впервые за три года он входил в отель не как служащий. Прежде Алексу казалось, что с его исчезновением отлаженный рабочий механизм непременно должен будет дать сбой. Но на деле ничего не изменилось. Все так же вежливо, с толикой кокетства, улыбалась посетителям крашенная блондинка Фериде. По-прежнему сновали туда-сюда расторопные мальчишки-рассылные. Важно раздув щеки, расхаживал по ресторану Мустафа Офенди. Большие квадратные часы на стене холла продолжали отсчитывать время жизни отеля. Уже без Алекса. Скоро его заменят другим, таким же молодым, сильным, тщеславным, который будет так же рыть носом землю, ощущая себя незаменимым. До первого промаха – роскоши, непозволительной для маленького человека. Алекс вдруг ощутил, как к некоторой горечи и обиде примешалось нечто вроде облегчения. Он стал свободен. Впервые за три года он мог сесть за столик в ресторане, поболтать с окружающими, рассмеяться во весь голос, не оглядываясь ежесекундно по сторонам, точно вор на месте преступления. Теперь он – посетитель, клиент, который, как водится, всегда прав.

Знакомый мальчишка со смышленным плутовским личиком дернул Алекса за рукав:

– Эй, Селами, что-нибудь нужно?

– Да. – Порывшись в кармане, Алекс протянул пареньку смятую купюру. – Сбегай купи цветы. Самые лучшие. Красные розы. На все. Сдачу можешь оставить себе. Да не вздумай сжулить – я тебе ноги выдерну.

– Нет проблем! – весело отозвался мальчишка. – Куда доставить?

– Найдешь меня в ресторане.

– Нет проблем! – Мальчишка запрятал деньги и, понизив голос, заговорщически, совсем по-взрослому, спросил: – Наверно, стоящая баба, раз ты так раскошелился?

Алекс пообещал ему оборвать уши и даже занес руку для острастки, после чего шпаненок во всю прыть помчался в сторону цветочной лавки.

В ресторане было необычайно шумно. Отовсюду слышалась русская речь. Воскресенье, вспомнил Алекс. Новый заезд. Новые лица. Из динамика вместо восточных мелодий доносился низкий чувственный голос:

*Ту-ту-ту... На-на-на...
Снова вместе, снова рядом...
Ту-ту-ту... На-на-на...
Музыка когда...*

Значит, предсказания Алекса оправдались: русских в этом заезде было подавляющее большинство. Но теперь это не имело никакого значения.

Он не сразу увидел Надежду. Сидя за крайним столиком, она разговаривала по мобильнику. Точнее, слушала, устремив перед собой перегоревший взгляд, и с каждой секундой на лице ее все отчетливее проступали усталость и раздражение. Алекс замер, пытаясь угадать смысл разговора с невидимым собеседником, но в уши, мешая сосредоточиться, лезла мелодия, банальная, как старая истина:

*Наверно, ты пришла из космоса ко мне...
В той жизни ты была колдуньей...*

Глупо. Даже глупее, чем мальчик, который никак не уедет в свой Тамбов... Но отчего так больно сжимается в груди?

Надежда убрала телефон в сумочку и, подперев ладонью щеку, уставилась на пляшущее на ветру пламя свечи.

Хочу сгореть дотла в мистическом огне

Неожиданно она повернула голову.

Твоих зеленых глаз...

Их взгляды встретились.

Не грусти, прошу, не надо...

Алекс испугался, что она встанет и уйдет, но этого не произошло.

Прошепчи мне: «Да»...

– Что ты здесь забыл? – строго спросил подошедший господин Касли.

– Я пришел как клиент. – Алекс с мрачным удовлетворением осознал, что больше не испытывает трепета при общении с бывшим боссом. – Имею право.

Управляющий удивленно хмыкнул:

– Тогда делай заказ. Но помни: малейший фокус, и права тебе разъяснят в полицейском участке.

– Это правда, что тебя уволили? – с неподдельной грустью спросил Али, когда Алекс подошел к стойке.

– Да.

– Может, тебе что-нибудь нужно?

– Абрикосовый сок.

– Что?! – Челюсть бармена едва не бряцнула о стойку. – Я думал, в таких случаях пьют что-то покрепче...

– Вчера выпил. Хватит.

– Черт, скажи мне, как такое могло произойти с тобой?!

– Сделай одолжение, помолчи. А то ошибусь.

– Нет, это неслыханно! – воскликнул бармен. – Его с работы вышибают в разгар сезона, а он коктейли смешивает! Селами, ты не обижайся, но с твоей головой и впрямь что-то неладно.

Подходя к столику Надежды, Алекс понял, что последний раз так волновался разве что на вступительных экзаменах. Он поставил перед ней коктейль, себе – колу со льдом. В расширенных черных зрачках молодой женщины таяли отблески пламени и молчаливого упрека.

– Послушай, – произнес он, с трудом подбирая слова, – прежде, чем ты выплеснешь это мне в физиономию, я хочу, чтобы ты поняла... Вчера я действительно был не в себе... Я был здорово пьян, впервые в жизни... Странно, у меня сейчас многое впервые, словно я и не жил вовсе... Но это не важно. Единственное, о чем я сожалею, – это то, что ты, наверно, думаешь, будто я тебя не уважаю... А это не так, клянусь. Ни к одной женщине я не испытывал десятой части того, что чувствую к тебе. И мне невыносимо думать, что моя идиотская выходка может иметь для тебя нежелательные последствия...

– Моя мама говорит... – Надежда задумчиво помешала, трубочкой в бокале. – Люди ведут себя с тобой так, как ты того заслуживаешь... Это верно.

– Ты заслуживаешь самого лучшего. Я хотел бы положить к твоим ногам весь мир... – Алекс грустно усмехнулся. – Но, к сожалению, могу предложить лишь этот коктейль. Как ты уже догадалась, я ни черта не стою.

– Необычный вкус... – Она сделала еще глоток. – Как называется?

– «Опиум». Вряд ли ты попробуешь такой где-то еще... Прощай, Надежда... Моя мечта...

Он хотел в последний раз коснуться ее руки, но не посмел.

– Цветы для мадам! – раздался звонкий голос. – Подоспевший мальчишка держал огромный букет пунцовых роз, из-за которого сам едва был виден.

– Пожалуйста, возьми, – сказал Алекс. – Я... желаю тебе счастья.

Выйдя из отеля, он опустился на скамейку под раскидистой, противно пахнущей магнолией. С детства не переносил этого запаха. На небо взгромоздилась луна, круглая и желтая, как ломтик лимона на бокале с коктейлем.

«Ну, вот и все...»

Он полез в карман за сигаретами, подумав, что пора завязывать. Сигареты жрут немало денег. А в сезон будет нелегко найти работу. Но он должен это сделать, и стать прежним. Нормальным парнем, который весело проводит свободное время в компании приятелей и симпатичных раскованных девчонок и думает о чем угодно, только не о женщине, оставшейся по ту сторону вечера...

– Алекс...

Вы знаете, как обрывается сердце? Падает вниз, подобно самоубийце с Бруклинского моста. Когда перехватывает дыхание и трудно поверить в то, что сейчас может произойти невозможное, и невыносимо думать – что оно снова может не произойти...

Он повернулся. Медленно, очень медленно, боясь спугнуть фантазию. Почему-то иногда в самые важные минуты в первую очередь думается о разной ерунде. Например, что забавную она накинула кофточку, связанную «колючками», будто маленький динозаврик... И уж потом, что глаза ее смотрят как-то иначе, будто неясный огонь, тлевший в их темной глубине, стал вдруг разгораться... Алекс не мог понять, куда подевалась прежняя, растерянная, печальная, неуверенная женщина и что последует за этой переменой, с ужасом ощущая, что это новое, неизведанное, появившееся в ней, притягивает его еще сильнее... Он мысленно призвал на помощь всех пророков, стараясь держаться разумно и достойно.

– Помнишь, ты предлагал мне покататься, посмотреть ночные горы и дикие пляжи? И какое-то невероятное диско?

– Ты... серьезно? – пробормотал он, не веря своим ушам.

– Да, но если у тебя другие планы...

– Нет никаких планов! – Он отчаянно замотал головой. – Стой здесь! Сейчас я подгоню машину! – Сделав шаг в сторону, он встревоженно оглянулся: – А ты не передумаешь? Не... исчезнешь?

Надежда молча покачала головой. В глубине ее потемневших глаз клубился сумеречный туман.

– У нас сейчас «мерс» на месте?

Томная красотка Фериде, лениво листавшая модный журнал, подняла глаза и тоном, каким обычно разговаривают с неразумными детьми, произнесла:

– Прокатный? Разумеется. Кому он здесь нужен? Еще бы «роллс-ройс» поставили... – И снова уткнулась в созерцание моделей от кутюр, бормоча: – Мне бы такое платье... Я бы смотрелась в нем куда лучше этой длинноносой уродины... Л ноги у нее кривые!

Алекс протянул права:

– Оформи.

– Что? – недовольно поморщилась Фериде.

– «Мерс»! – воскликнул Алекс.

– Какой «мерс»?

– Прокатный, черт подери!

Глаза девушки стали похожи на две заглавные «О».

– Шестьдесят долларов в сутки. Возьми лучше «сахин». Или вот еще, «опель-вектра». С кондиционером.

– Я же сказал: «мерсе-дес»! – рявкнул Алекс.

– Не ори, – возмутилась девушка. – В последнее время ты стал очень нервным, Селами. Хотя я понимаю: увольнение не самая приятная вещь... Так ты хочешь взять «мерседес»?

– Да... – простонал Алекс, вытирая взмокший лоб.

– О'кей. Вот ключи. – Понизив голос, она заговорщически поинтересовалась: – Ты что, ушел на повышение?

– Много будешь знать – скоро состаришься, – улыбнулся Алекс и, ущипнув Фериде за тугую щечку, убежал в гараж.

– Нахал, – пробормотала девушка и снова уткнулась в журнал.

– Чего он хотел? – недовольно спросил ее подошедший Мустафа.

– Взял напрокат «мерседес».

– «Мерседес»?! Он что, разбогател?

Девушка не удостоила его взглядом. Ее вниманием полностью завладело прозрачное алое нечто.

– Он был один?

– Откуда мне знать?

– В последнее время у него явно с головой не в порядке, – хмыкнул менеджер по ресторану.

– Нет, – оторвавшись от журнала, мечтательно вздохнула Фериде, – иногда совершать безумства – это прекрасно.

Взгляд собеседника стал масляным.

– Может, мы с тобой тоже покатаемся на моей машине?

– Покатаемся. – Секретарша вновь перешла на официальный тон. – Когда займешь «мерседес».

– Прошу. – Алекс галантно распахнул дверцу.

Надежда любовно погладила стального коня по блестящему капоту.

– Красавец. Можно было взять машину попроще.

– Молчи, женщина. Садись.

Рассмеявшись, Надежда опустила на сиденье возле водителя. Алекс выжал сцепление, выдал газ. Бесшумно, точно подводная лодка, «мерс» тронулся с места.

– Не газуй сильно, – предупредила Надежда. – Он быстро набирает скорость.

Алекс ощутил легкую досаду. Вовсе не хотелось вспоминать о том, что эта непостижимая женщина всего лишь богатая туристка.

– У тебя дома такой? – колко поинтересовался он.

– Нет, у меня «вольво». На «мерседесе» ездит Сергей. Служебном.

– Упс... А у меня «сахин». Это что-то вроде ваших «Жигулей». Но личный.

Женщина уловила его настроение.

– Извини, – сказала она, виновато улыгнувшись. – Я не хотела тебя задеть. Все это не важно. Куда едем?

– Как обещал, в Анталию.

– Хорошо.

Алекс вел автомобиль по узкому серпантину. По левую сторону над шоссе нависали грозные глыбы Таурусских гор. Выныривали и исчезали во тьме, подобно маленьким часовым, красные светящиеся столбики. Справа за окном, шипя, как стая диких кошек, кипело, пузырилось море. Алекс вдруг остро почувствовал ирреальность происходящего, словно на мгновение он попал в волшебную страну исполнения сокровенных желаний, будто увидав себя со стороны. На роскошном авто он мчится с женщиной-мечтой в иной, сверкающий, манящий, призрачный мир... И нелепая, неожиданная мысль посетила вдогонку: просто так ничего не бывает, за все придется платить.

«Кто высоко вознесся, тому больнее падать...»

– Ущипни меня, – тряхнув головой, попросил он Надежду.

– Зачем? – удивилась она, оторвавшись от созерцания ночных пейзажей.

– Вдруг это сон... Ой! – вскрикнул Алекс, подсакивая на сиденье. – Ну и ногтищи у тебя!

– Смотри на дорогу, – наказала спутница, вытянув перед собой узкую руку, полюбовалась безупречным неброским маникюром.

В разрезе сбившейся юбки виднелось едва тронутое загаром округлое колено. Алекс поерзал на кресле. Легко сказать: «Смотри на дорогу...» *Вот если бы...* Колоссальным усилием воли он прогнал и эту мысль. Он твердо решил не думать и не говорить ни о чем эдаком, предоставив все воле провидения, боясь спугнуть хрупкую гармонию недосказанности, в которой, быть может, и заключалась особая прелесть их странных отношений. Произойдет что-нибудь или нет, эта поездка, он точно знал, навсегда останется для него несоизмеримо большим, чем все его прежние «перепихоны», вместе взятые.

– Ты больше не работаешь в отеле?

– Откуда ты знаешь? – изумился Алекс.

– Я же не слепая. Хочешь, я попробую поговорить...

– Нет, – отрезал Алекс. – Даже не думай. Я сам разберусь в своих проблемах.

– Боже мой, – вздохнула Надежда. – Ну почему все мужчины одинаковы...

Алекс сдвинул руль так, что побелели костяшки пальцев и ногти впились в ладони.

– Не смей сравнивать меня со своим мужем, черт возьми. Не смей меня вообще ни с кем сравнивать. Для меня сейчас имеет значение только сегодняшний вечер. Если бы мне сказали неделю назад, что ради этого необходимо уволиться, я бы сделал это не задумываясь, – Ты странный... – тихо, с неожиданной нежностью промолвила Надежда. – Я никогда не встречала таких мужчин... Ты какой-то... одержимый.

– Тебя это пугает?

– И да, и нет.

– Почему – да?

– Потому что... – Она тихо рассмеялась. – Мы в одном автомобиле на горной дороге.

А я не знаю, хороший ли ты водитель.

– А почему – нет?

– Потому что я не твоя женщина.

– Да... – повторил Алекс, словно стараясь запомнить, – ты не моя женщина...

– Официант – твоя основная профессия? – сменила тему Надежда.

– Нет. Это сезонный приработок. Я заканчиваю строительный. Отделение экономики и управления гостиничного бизнеса. Остался год. Так что без куса хлеба не останусь. Знаешь, о чем я мечтаю? – Он покосился на спутницу. – Когда-нибудь – конечно, не через год, и не через два – займешь свой отель. Ну, или хотя бы стать классным управляющим. Как наш босс. – Он задумчиво взъерошил густые волосы. – Скажешь, у меня ничего не выйдет?

– Нет, не скажу, – отозвалась Надежда. Ее легкая ладонь легла на плечо Алекса. – Не смей записывать себя в неудачники. Ты – молодой, упрямый, умный, настойчивый. Иди к своей цели, даже если кому-то она покажется абсурдной. Иначе потом ты всю жизнь будешь жалеть о том, что не использовал свой шанс. Я думаю, у тебя все получится. Должно получиться.

Алекс коснулся щекой ее прохладных пальцев.

– Ты вправду считаешь, что я чего-то стою?

– Мы все чего-то стоим... Просто почему-то забываем об этом. – Она убрала руку и снова взгляделась в ночное окно, за которым невидимкой рокотало море.

Они миновали тоннель, и дорога перешла в широкое шоссе.

– Дай порулить! – попросила Надежда.

Они остановились, вышли из машины. Длинная юбка женщины неожиданно взлетела и, точно парус, захлопала на ветру. Надежда поймала ее и со смехом зажала между ног, поправляя волосы. Но, поймав взгляд Алекса, осеклась и быстро пересела на место водителя. Большой и важный автомобиль, словно океанский лайнер, плавно рассекал волны встреч-

ного ветра и дорожной пыли. Надежда окончательно преобразилась. Глаза заблестели, на скулах проступил легкий румянец. Видно было, что езда доставляет ей огромное удовольствие. Тяжелая машина, как чуткий любовник, послушно повиновалась ее узким ладоням.

– Здорово водишь, – заметил Алекс.

– Если б ты знал, чего мне стоило сдать экзамен в ГАИ! – со смехом отозвалась женщина. – Упражнение под названием «эстакада». Там на площадке была такая горка – настоящий Эверест. На нее нужно было заехать, а я все время откатывалась назад, хоть тресни! Сергей мог бы запросто купить мне права, но сказал: «Или сама, или никак. Тренируйся». Тогда я нашла самую высокую гору в округе и ползала по ней взад-вперед. Инструктор потом говорил, что у него в жизни не было более упрямой ученицы.

– Сдала?

– Как видишь.

Бип! Би-ип!

Слева вынырнула и поравнялась с ними тупоногая темно-зеленая «бээмвуха». Из динамика разносились по округе прилагательные русские напевы. Здоровенные бритоголовые парни повысовывались в окна, рискуя вывалиться вон, выбрасывая руки в золотых браслетах с оттопыренными средними пальцами.

– Э-эй, на «мерсе»! Красотка, а ну, дого-ни-и!

– Кретины, – пробормотал Алекс.

– Слабо? А ты пацана за руль пересади! Курица не птица, баба не водила!

Надежда сжала губы в короткую черточку, лоб пересекла упрямая морщинка, в потемневших глазах загорелся шальной огонь. Она с силой выжала газ. Взревев, как взнузданный мустанг, «мерс» вырвался вперед. Спидометр показывал сто пятьдесят. «Бээмвуха» также сделала рывок. Две громадины шли ноздря в ноздю по узкой ленте шоссе, с каждой секундой увеличивая скорость.

Двести.

В голове Алекса мелькнуло, что, попадись им сейчас дорожная полиция, увольнение будет одним из самых приятных воспоминаний в его жизни.

Двести двадцать.

– Черт, мы разобьемся! Прекрати это! – крикнул он. Но тотчас осознал полную бесполезность своих слов: для женщины за рулем не существовало более ничего и никого, кроме омерзительной темно-зеленой груды железа с левого бока.

Врывающийся в окно ветер свистел так, будто в салоне вот-вот разразится буря.

Двести тридцать.

– Давай, мальчик, давай, – сквозь зубы процедила Надежда.

Двести тридцать пять. «Бээмвуха» начала отставать.

– Давай! – заорал и Алекс, неожиданно поддавшись губительному азарту безумной гонки. – Мы их уделали!

Двести пятьдесят.

– Ага!

«БМВ» отстал уже на полметра. Надежда распахнула окно и, сложив пальцы в известную непристойную комбинацию, рывком выбросила руку навстречу ревущему ветру.

– Ты сумасшедшая! – переводя дыхание, прошептал Алекс, не вполне осознавая, изумлен он или же восхищен безрассудством этой женщины, так и не разгаданной даже наполовину.

– Наверно, раз я здесь, – отозвалась Надежда.

Скорость начала снижаться. «Бээмвуха» вновь поравнялась с «мерседесом», и Алекс уже приготовился к любой развязке, вспомнив предостережения друга относительно горячих русских парней, но на сей раз ребята показывали большие пальцы, широко улыбаясь.

– Откуда ты, детка?

– Москва.

– Привет из Питера!

Под ревушие децибеллы темно-зеленый «БМВ» с гиканьем умчался прочь.

– Так можно запросто заработать вечный отдых, – пробормотал, убирая со лба прилипшую прядь, Алекс.

– Кто говорил: жизнь коротка, а лето мимолетно?. – лукаво улыбнулась Надежда.

– Я даже не подозревал, какая ты...

– Какая?

– Не знаю. Теперь уже совсем не знаю...

– Я тоже, – неожиданно вздохнула Надежда.

Навстречу летели, стремительно приближаясь, яркие огни Анталии.

Дискотека «Олимпус», ревушая, грохочущая, сверкающая тысячей огней, брызжущая разноцветными искрами фейерверков, была в самом разгаре. Сюда приезжали оторваться на полную катушку местные и туристы со всего южного побережья. Тупорылый широкий «мерс» с трудом втиснулся в узкую щель между маленьким юрким «Фордом-Ка» и длинным неуклюжим «пontiаком» с острой задницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.